

ЮЛИЯ ШОЛОХ

ВОЛЧИЙ БЕРЕГ

Звериная земля

Юлия Шолох
Волчий берег

«1С-Паблишинг»

2019

Шолох Ю.

Волчий берег / Ю. Шолох — «1С-Паблишинг»,
2019 — (Звериная земля)

Юлия Шолох – популярный автор книг в жанре героического и романтического фэнтези. Действие романа «Волчий берег» происходит в мире, описанном в книге «Звериный подарок», но во времена гораздо более ранние. Ожега и её младшая сестра вынуждены спасаться бегством от отчима, который после смерти их матери вынашивает в отношении падчериц весьма недобрые планы. Бежать приходится через древний лес; из него, по слухам, никто не возвращался. А за лесом ждёт беглянок страна тех, кого называют Зверями, кого боятся и ненавидят. Но так ли злобны жители Звериной страны, как утверждает молва? Или судьба привела героинь сюда отнюдь не на погибель? Приключения, война, любовь, предательство... всему нашлось место в этой книге, повествующей о мире Звериной страны, хорошо знакомой любителям фэнтези.

Содержание

Глава 1. В которой даже старый страшный лес кажется лучше некоторых других мест	5
Глава 2. Где находится распутье, которого на самом деле не бывает для тех, кто идёт по своему пути	21
Глава 3. Про пустые короба и про полные	30
Глава 4. О ленивых мужьях и разных мимо шатающихся незнакомцах	42
Глава 5. О хождении кругами	53
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Шолох

Волчий берег

Глава 1. В которой даже старый страшный лес кажется лучше некоторых других мест

Всё, слушать бесконечное нытьё мне осточертело!

Я жутко устала, вымоталась и не могла больше скрывать от сестры правду. Не могла молчать о тяжком положении, в котором мы оказались. Нельзя дальше молчать – она меня изведёт, всю кровь выпьет!

– Смотри! – я вывернула у Малинки под носом мешок и принялась изо всех сил трясти над землёй – оттуда вслед за вещами посыпались только крошки. – Видишь? Видишь, что ничего не осталось? Ты понимаешь, что у нас больше нет еды? И денег тоже нет ни копейки! Нам теперь только по миру идти, надеяться, что приютят и накормят, дадут работу, чтобы совсем с голоду не околеть!

Я, тяжело дыша, стояла и смотрела на Малинку сверху вниз, щёки пылали, как будто охваченные огнём. Неужели она думает, что не понимаю? Разве я чувствую иначе? Всё то же самое! И голод мучает, и ноги идти отказываются, и ночью спать жёстко и холодно. Неужели думает: я не знаю?

– Я вижу, Жгучка. Но туда...

Голос у Малинки срывался, не давал договорить. Произнести вслух название Тамрацкий лес – дурной знак, а уж собираться туда войти и подавно сродни самоубийству.

– Не начинай ныть, прошу. Не начинай!

Я повысила голос. Малинка считала меня строгой, иногда даже чересчур, вот и сейчас смотрит с укоризной, но она просто не понимает – я веду себя так от волнения. От страха. Я жутко боюсь, что всё бесполезно, что не выйдет ничего, как бы я ни старалась, вот что страшно! И сейчас ей придётся понять, для чего я нас мучаю, иначе никак. Я старшая, ответственная и должна держать себя в руках, да, должна оберегать сестру, да, не спору, но оберегать того, кто не сопротивляется, наверняка легче.

– Но зачем туда идти? Там, в лесу, люди исчезают! Там даже никто не живёт!

Надо же, голос обрела.

– Мы не собираемся селиться в чаще, нам бы только до деревень по ту сторону леса добраться.

– Ага! – насупилась Малинка, губы задрожали, ресницы прозрачными слезами покрылись. Эти ресницы все в слезах я вижу куда чаще сухих.

– Ну, всё, не начинай. Ты просто трусиха, – я села на корточки и стала подбирать вещи обратно в котомку. Мятое полотенце, тонкое одеяло, две пары носков, бельё – вот и всё наше имущество. – Подумай лучше, что будет, если отчим нас догонит.

Боги, что будет, если он нас догонит. Что будет!

Я всё бросила и закрыла руками лицо. Сидеть на голой земле неудобно, особенно когда юбка задралась и щиколотки щекочет трава, но пошевелиться не было сил. Мы столько бежали. Столько старались уйти подальше, чтобы оказаться в безопасном месте и хотя бы на час забыть о преследователе! Спали урывками в сараях, в брошенных избах, даже в лесу под соснами! Шли куда глаза глядят, только бы идти.

А теперь, когда до деревни, которую я считала последним прибежищем, всего час пути, вон над деревьями вьётся дым, пришлось свернуть в сторону. Малинка даже не поняла вначале,

что случилось, может, думала, что я балуюсь, может, что решила перед встречей с людьми в тени отдохнуть. Потом пришлось сказать, конечно, что в обжитых людьми землях нам спасу нет и путь наш теперь лежит в Тамракские земли... и слушать возмущённые крики. Как будто других неприятностей мало!

Нос так жутко зачесался, что я всхлипнула. Малинка тут же упала рядом и заплакала:

– Если бы мама была жива...

Пришлось, как обычно, утирать чужие слёзы, обнимать её крепко-крепко за плечи и шептать на ушко что-то бессмысленное. Кроме друг друга, у нас никого больше нет, сестра прижалась ко мне и замерла. Как же она боится, я чувствую каждый её испуганный вдох, как будто что-то грудь туго сдавливает. Я прошептала:

– Знаю, Малинка, всё знаю... Но мамы больше нет.

Нос зачесался ещё сильнее, и выдержка подвела. Реветь белугой девице, которой уже девятнадцать стукнуло, просто позор, но что поделать. В смысле, что ещё делать-то?

– Не реви, – возмущённо сказала Малинка, отпрянула и сама подобрала сумку. Стала её завязывать. А руки-то дрожат!

– Почему не реви? Тебе же можно!

Иногда я перестаю быть взрослой и веду себя как ребёнок, но тут, в лесу, этого никто не увидит, а сестре я могу показаться любой. Только вот не любит Малинка, когда я раскисаю и плачу. Понятное дело, самой-то плакать приятнее, да ещё когда со всех ног утешать бросаются!

– Может, у Великого князя помощи попросим? – её голос словно разбух от слёз и гундосил. – Расскажем, что отчим хочет нас извести, чтобы всё хозяйство себе забрать. Может, заступится?

– Ага, как же. И кто нам поверит?

– А почему нет?

– Малинка, – боги, ей всего шестнадцать, а придётся становиться взрослой наравне со мной. – Наш отчим – князю дальний родственник, понимаешь? Ты понимаешь?

– Ну, может... – Упрямо насупилась она.

– Я не хотела тебе говорить!

Чего это у неё лицо такое сердитое?

– Почему не хотела? Зачем ты всё время всё скрываешь? Говори!

– Теперь-то скажу, конечно. Малинка, помнишь Серёдку, с которой мы вместе в столице учились? Ну, пока отчим не запретил? Серёдка часто потом приезжала, родственники у неё неподалёку жили.

– Не очень...

– Ты маленькая еще была. А я с ней крепко дружила.

– А, это та, которая в синем сарафане с белой лентой? С которой ты всё время от меня прочь убегала? Не хотела со мной играть, говорила: я мелкая пигалица и ничего не понимаю?

– Да, – нетерпеливо прервала я, потому что воспоминания больно отозвались в сердце. – Она недавно тоже умерла, понимаешь?

Рот у Малинки открылся и стал круглым.

– Как? Отчего? Она же одних со мной лет...

Серёдка-то? Да, она всего на год старше Малинки. Такая молодая.

– Как мама...

Проще всего было снова расплакаться, но сколько можно слёзы лить? Они не помогают! Малинка, правда, ещё этого не знает, поэтому и ревет по любому поводу.

– Серёдка умерла от болезни?

– Да.

– И что общего-то?

– Как что? А откуда вообще эта странная болезнь взялась? Ничего, кроме слабости – ни жара, ни сыпи, ни тошноты, ни кашля. Ничегошеньки! Ты не понимаешь?

– Хватит спрашивать! – опять она как всегда – не слышу, значит, ничего не было. – Просто скажи!

– Малинка, ну что же ты... Что за болезнь эта и откуда взялась, никто не знает. К маме сколько лекарей приглашали – и всё зря! А когда последний ляпнул, что, мол, наколдованная она, болезнь эта страшная, отчим того со скандалом выгнал и денег ни копейки не заплатил. Болезнь никак нельзя наколдовать, сказал. Может и нельзя, кто знает, мы же не колдуны! Но я написала письмо ещё одной нашей подруге, и она ответила. Серёдку как раз замуж перед этим выдали и богатое приданное за ней дали. Знаешь за кого? За троюродного княжеского племянника! Царейко! Слышала? Он же княжеский воевода. Ему и тридцати нет, а это уже его пятая вдова – и каждая наследство после себя оставляет.

– Не понимаю... И что?

– Разве ты не слышала, что Великий князь собирается воевать? Хочет расширить свои владения в северную сторону, там сейчас беспорядки в землях, откуда дивы ушли, самое время всех взять врасплох. Не слышала разве?

– Что-то слышала такое вроде бы.

– Как можно было не услышать? Весь город гудел. Каждый пьянчужка язык чесал!

– Это когда? После побега? Это когда мы в той харчевне ужинали?

– Да! Где у нас, куриц, все деньги вынули. Где эти, разбойного вида, всё пытались к нам подсесть да вином угостить. И хорошо, что так вышло, что мы отказывали да отказывали, а когда пора за ночлег платить пришла, денег не оказалось... А то остались бы ночевать... кто ж знал, что это натуральный притон... Как свет погасили бы, то и дверь бы не спасла! И всё, искали бы нас потом.

– Кто?

Глупо как-то вопрос прозвучал, вон Малинка сама ответ поняла, аж глаза потемнели.

– В том-то и дело, что никто! Нет у нас с тобой больше никого.

Голова такая тяжелая стала, вот я её лучше ладонями обхвачу и посижу с закрытыми глазами. Однако, раз начала, нужно выложить всё, на другой такой разговор я не скоро решусь.

– Но нас найдут, Малинка, найдут люди отчима, потому что мы богатые наследницы. И убьют. А если не убьют, выдадут замуж, а потом всё равно результат один...

– Зачем? Он и так всем имуществом распоряжается! Я не помню, когда в последний раз нас с тобой кормили досыта, а про платья вообще молчу. Как мама умерла, живём у чёрного хода под лестницей. Какие мы с тобой богатые наследницы?

– Мама оставила всё имущество нам. Тебе и мне поровну. Если одна из нас умрёт, вторая получит её долю. А отчиму всё отойдёт только в случае гибели обеих.

Малинка сглотнула, но я уже не могла остановиться.

– Вот и смотри. Меня давно пора замуж выдавать, но тогда придётся мою долю наследства отдать. А теперь и ты подросла! Отчиму сейчас или людям объяснять, почему он нас не хочет пристраивать, или приданое наше возвращать. Как он объяснит, что мамины деньги ему самому нужны? Люди в деревне уже шушукались, отчего мы с тобой взаперти всё время, со двора носа не кажем. А ко мне, когда Василь сватался, отчим ему отказал и нас тогда же отправил на дальнее пастбище.

– Это когда мы с тобой всё лето там провели?

Молодец, быстро сообразила!

– Да. Там, конечно, хорошо было, молока и хлеба много, приволье... Но держать нас вечно на пастбище нельзя. А после возвращения отчим следил, чтобы мы женихов не нашли, потому что каждому отказывать нельзя. Причины-то нет. Ну, Василию отказал, тот недолго думал – на другой женился. А вдруг упрямый жених попадётся, станет разбираться, что к чему?

Одно время отчим врал, что мы больные с тобой. А кто-то из местных тебя случайно увидел, как ты по двору весёлая бегала и кружилась, ну, когда отчим надолго уехал, и мы одни остались. Увидел и возмутился – как больные? Здоровые, румяные девки, хоть сейчас под венец. Потом ему пришлось врать, что мы с тобой головой больные.

– Безумные? – в светло-карих глазах, так похожих на мои, дрожит обида.

– Да! Но лучше бы пусть так о нас и думали!

– Почему?

– Потому что, Малинка, пока мы жили взаперти и отчим деньги наши тратил, мы хотя бы в безопасности были. Нас никуда не пускали, но хотя бы берегли. А теперь ему все деньги нужны, все до последней монетки. Он хочет имущество продать и потратить полученное на свои дела. В войне участвовать, чтобы свою долю награбленного получить. Теперь мы, Малинка, ему мешаем.

Сестра сглотнула.

– Ты правда так думаешь?

В горле словно комок сразу встал.

– Прости. Я не просто думаю, я слышала. И про войну, и про наследство наше. Перед тем, как сбежать, гости к нему приехали, помнишь? Три всадника, один толстый такой, что чуть с коня не скатился, когда спешивался.

Малинка захихикала. Картина была потешной – здоровый тучный мужчина, кряхтя, лез с коня, и ноги у него подкосились так, что он чуть не грохнулся об землю.

– Жалко коня было, – шепнула Малинка.

– Да! Тем вечером они говорили.

– А ты подслушивала? – восхитилась Малинка.

– Да! Этот толстый выбирал, какую из нас двоих замуж возьмёт.

Смех пропал, как и не бывало. Тихо стало просто до жути. Слишком много жестокого было в моём голосе, не знаю, сестру мне хотелось напугать или себя подстегнуть, чтобы не смела раскисать – однако нас обеих словно водой холодной облили. Малинка молчала, только глазами хлопала оглушено, будто не поняла. А мне теперь стыдно слово произнести.

Она шумно сглотнула.

– Ты права. Мы хорошо сделали, что сбежали. Но Тамракский лес?! А земли ничейные? – воскликнула Малинка с отчаянием. – Что там с нами будет? Мы же не знаем, что там с нами случится! Может, ещё хуже...

– Маленькая моя, иди сюда.

Если бы я могла её утешить! Хоть немного поддержать. Но как, если я и сама этих Тамракских земель до одури боюсь. Будь моя воля, я бы лучше отшельницей в лесу жила, но у нас ни еды, ни денег. Нам только к людям выходить, а на ту сторону леса люди отчима в объезд когда ещё доберутся! И доберутся ли вообще?

И вот сидим мы, Малинка уткнулась в мой пыльный плащ носом, а я качаю её, как маленькую, и сама словно на волнах плыву. Тихо признаюсь, потому что иначе нельзя.

– Сегодня мы свернули, потому что я увидела на дороге группу всадников в княжеской охранной броне. Думаю, нас ждут. Что ещё забыла княжеская охрана в такой глуши? Точно такая отчима последнее время сопровождает. Я не хотела говорить, но они прямо у въезда схоронились, даже кони те же – один там приметный, в белых звёздах. Они следят, кто проезжает, я так их и заметила – телегу, что сбоку заехала, сразу остановили, окружили и давай ворошить.

– Так вот почему ты меня как схватила и потащила! Чуть руку не оторвала!

– Да, Малинка. Некогда было толком объяснять. Но если в деревню пойдём – сразу попадёмся. Так что нам теперь одна дорога – сквозь лес да в Тамракские земли.

– Но у нас нет еды.

- Ничего. Найдём в лесу ягоды и орехи. Не пропадём.
- Несколько дней! Нам несколько дней идти.
- Ничего. Нам многого не нужно.
- Но там какие-то ужасные звери. Они нас сожрут!
- Нет. Мы будем очень, очень осторожны. Малинка, пойми же – нет у нас иного выхода.

Нет...

Она поднимает на меня огромные глаза, в которых небо отражается, дрожит.

– Жгучка... мне страшно.

– И мне, милая, – вот я и призналась. – Ты не представляешь, как мне страшно! И не только за себя. Я как будто в мышеловке, в тесной коробке заперта – и ты со мной. И где грызть, чтобы наружу выбраться, не знаю.

Какой у меня плащ сказочный, прижимается Малинка к нему лицом со всей силы, и пахнет ткань не очень, и грязная местами, но всё равно отодвигаться не спешит.

Значит, мы обе боимся.

– Вдруг княжеская стража вовсе и не нас ждёт? – с надеждой спрашивает она. – Может, разбойников каких ловят, а про нас ни слухом, ни духом?

Я молча вздохнула.

В ней словно зародилась надежда. Она вскинула голову.

– Ну, так что, Жгучка? Может, не нас ждут?

– Помнишь, мы с мамой к Ототьюму ходили? За тайной?

– И что?

– Знаешь, что мне голос тогда сказал?

– Откуда? Ты не признавалась! Это тайна только твоя, чужие уши слышать не должны.

– Сейчас скажу, уже можно. Голос велел, когда в целом мире мы останемся вдвоём и некуда будет обратиться за помощью, бежать от беды далеко, через самое страшное место – бежать и никуда не сворачивать. Иначе мучительная смерть ждёт меня и моих родных. А послушавшись, рано или поздно я выйду к своей судьбе. Я тогда не поняла, к чему бежать и про страшное место тоже не поняла. Но только что у деревни, куда мы войти собирались, а пришлось снова убегать, словно в голове загадка сложилась! Мы же будто по линейке шли! И теперь нельзя сворачивать, дальше нужно идти.

– Ничего себе! – у Малинки даже челюсть отвалилась.

– Видишь? Ототень раньше нас знал.

– Но с чего ты решила, что он про сейчас говорил?

– А как же! Все сходится. Да и что кого другого у деревни ждут – а кого? Чтобы княжеская стража под деревенскими заборами разбойников караулила да в телеги со старым сеном заглядывала? Самой не смешно?

Сестра задумалась и нехотя кивнула.

– А главный у них Крынок, тоже Великому князю не чужой. Помнишь такого? Ни лета не было, чтобы к отчиму нашему по делам не заезжал.

– Да.

– Кажется, и тут он... Издалека не разглядишь толком, но его сухую скрюченную фигуру нелегко с другими попутать.

– Я поняла, – сглотнув, сказала Малинка.

– Тогда вставай и пойдём. Мало ли что, вдруг нас кто заметил, надо зайти глубже в чащу, чтобы лошадей не догнали.

Мы поднялись с травы, смотря вперёд, на полосу темнеющего впереди леса. Такой густой, чёрный, деревья старые, стволы ссохшиеся. Не знаю, живут ли там звери и птицы, тихо вроде.

Малинка перевела на меня умоляющий взгляд.

– Ототень сказал, помнишь? Да и что будет? Просто старый лес... – неизвестно кого утешала я. Старый-то старый, да дыма без огня не бывает. Раз идёт в народе молва про опасность... Впрочем, ничего не поделаешь. – Ладно, пошли.

Сестра схватила меня за руку, и мы стали словно одно целое.

Чего оттягивать? Раз судьба решила, значит, так тому и быть. Пойдём в Тамракский лес, глядишь, пронесёт, а в землях за ним, должно быть, тоже разумные существа живут.

Говорят, после отхода дивов заселились туда бездомные народы, лишившиеся дома – и не люди, и не лесные, и не горные. В помощи им все отказали. Лесное княжество официальную ноту вынесло – на ничейных нынче землях проживают отбросы, всё равно что низшие существа, а людское княжество и вовсе эти земли намеревалось к своим присоединить. А всё потому, что там нелюди жили – то ли звери, то ли духи. Говорят, и плоти у них нет, и кровь они пьют, и кишки из утробы выгрызают. Врут, верно, как обычно, но страшно врут!

А с другой стороны, в самом народе слухи ходят обратные, что в ничейных землях за Тамракским лесом может пристанище найти всякий, кто попросит убежища, конечно, если ты не лихой человек и не бежишь от правосудия. И искать нас там вряд ли кто вздумает – больно далека да тяжела дорога, да и кто поверит, что две девчонки рискнули через смертельно опасный лес идти? А если и хватило дурости рискнуть, кто поверит, что они смогли оттуда живыми выбраться?

Но мы пошли. Дружно, нога в ногу, как солдаты на марше.

Под тенью старых деревьев было тихо, только сухие веточки иногда под ногами хрустели. Хвоей пахло так сильно, будто масло выжимали. Конца-края лесу не было, чем дальше, тем сильнее вокруг сгущались тени. Но страх отчего-то отступил. Вот, позади, за спиной – остался страх, княжеские прислужники, которые схватят, не пожалеют и вернут отчиму. А впереди никто нашей смерти не желает, лесу человеческая жизнь – что жизнь белки: есть ли, нет ли – небольшая разница. Плакать по нам не станет, но и убивать не будет.

– Тут красиво, – прошептала Малинка, когда мы почти привыкли к тишине. И звонко засмеялась.

– Тише ты!

– Ой, Жгучка, какая же ты снова бука! Смотри, орехи!

Она с воплями бросилась вперёд. Хотела бы я так же легко сбрасывать с плеч все тревоги и неприятности – увидела орехи и обо всём забыла!

Впрочем...

– Смотри, Малинка! Это не просто орехи, это же чей-то схрон!

– Ага.

Вижу, сестра уже усердно выковыривает из низкого дупла сухие ветки и плотные куски старого мха. Кто-то тут рылся до нас, орехи рассыпал, но есть не стал. Прошлогодние, крепкие и сладкие.

Те, что на землю упали, жаль, подгнили, а в дупле – зато несколько горстей хороших!

– Это говорит, что путь наш будет лёгким! – заявляет довольная сестра. – Лес нам помог. Значит, не бросит в беде.

– Спасибо ему.

Если задрать голову и посмотреть в высоту, в тёмные, густо сросшиеся ветви, можно поблагодарить лес за подарок. Орехов достаточно, чтобы притупилась ноющая боль в желудке. Наверное, стоило немного оставить на потом, но не вышло, мы съели сразу все, сами не заметили, как.

– Ну, что теперь? – вздыхает Малинка, стряхивая с подола скорлупу. – Дальше пойдём?

– Да, чего время терять.

– А куда? – сестра задирает голову. – Смотри, деревья всё закрывают – и солнца не видно.

Действительно, не видно, но как можно не понять, где оно сейчас стоит? Я уверено машу в сторону.

– Туда нужно идти.

– Откуда ты знаешь?

Не могу объяснить, однако я отчего-то точно знаю, что идти нужно сейчас между теми двумя деревьями.

– Там темно, – шепчет Малинка.

– Ничего. Пойдём.

– Подожди, палку найду.

Я тоже ищу себе палку на случай, если на нас выскочит какой-нибудь лесной зверь. Такого не должно произойти, они чувствуют людей заранее и стараются на глаза не лезть, но мало ли.

– Опять ты так смешно нюхаешь, – Малинка смотрит на меня и хохочет. – У тебя нос шевелится, как у лисы!

– Чего ты опять цепляешься?!

– Ну не злись, это даже мило. Знаю, знаю, ты жутко не любишь, когда так делаешь и просто бесишься, стоит тебе об этом сказать! И всё равно так делаешь, особенно когда волнуешься.

– Отстань, сказала!

– Ну, Жгучка, не злись, – хитрая Малинка подходит, прижимается к моей руке, опирается подбородком о плечо, знает, что стоит начать подмазывать – и я не смогу больше сердиться, хотя этих глупых намёков про свой нос на самом деле терпеть не могу! – Это правда мило.

– Хватит болтать! Пошли уже.

– Пошли, я молчу.

Чем ближе мы подходим к двум деревьям, тем больше меня завораживает, тянет просвет. Теперь даже если захотеть свернуть, не выйдет – ноги сами несут. Но я не хочу поворачивать вспять, кажется: это самый верный путь и мы будем дурочками, если не пойдём.

Я ступаю в промежуток первой – на секунду вокруг словно круги по воде расходятся, воздушные и невидимые, легко колышутся радужными нитями, и пропадают... Показалось, наверное. Малинка встаёт рядом.

– Как тихо.

– Да.

Словно мы в ином лесу оказались. Здесь с ветвей свисают длинные пушистые усы, словно клоки шерсти: то ли трава, то ли мох. Приходится идти, пригибаясь, чтобы не зацепить их головой, а то прилипнут ещё.

– Веди, раз уж решила сюда идти, – говорит сестра.

Меня словно прозрачная нить тянет. Не знаю, как объяснить, но стоило ступить меж деревьев, в воздухе словно путь соткался, невидимый, но даже головы не нужно поворачивать, чтобы узнать дорогу.

– Может, ещё орехов найдём, – мечтает неугомонная Малинка.

Только орехов в этом лесу нет. И грибов нет, и ягод.

Очень тихо для леса. Под ногами мягкий иголочный настил. Деревья плывут мимо, неторопливо поворачиваясь корявыми боками.

– Почему так тихо? – шёпотом спрашивает Малинка.

Я только плечами пожимаю.

– Ой!

Она пригибается и закрывает голову руками, когда сверху с шорохом сыплются листья и огромные сухие иголки. Словно шуршащий дождь пошёл. Ай! Это же шишка меня по голове стукнула.

– Прикройся, – смеётся Малинка и тут же сама получает шишкой по лбу. Теперь и мне смешно.

Переждав шишечный дождь, мы отряхнулись, перевязали волосы, поправили косынки, чтобы сор в волосах не запутался, и пошли дальше.

Больше ничего не случилось, разве что устали раньше, чем стемнело, что немудрено после такого-то дня.

Ночевать пришлось под елью – выбрали самую широкую, чтобы лапы лежали по земле ковром, забрались под нее, да и заснули. Даже если дождь – не намокнем, да и зверьё сюда сунуться не должно.

Хуже всего – встретить диких хищников, которые захотят нас сожрать. Поэтому и по лесу мы шли, громко шумя и переговариваясь – большинство зверей услышат, решат – не может еда так шуметь, да уйдут с нашей дороги. Хотя не видели даже мелочи, вроде белки или зайца... Но вдруг это только из-за того, что для тутошней глуши мы больно громкие?

Ещё странно: мох есть, а паутины нет. Жучки и вовсе мелкие какие-то, невзрачные. Может, солнца под густыми кронами не хватает?

А в остальном – лес как лес.

Утром пришлось топтать на пустой желудок. Настроение от этого не улучшилось, ясен перец, Малинка то и дело вздыхала.

К обеду урчало в животах у обеих, громко, как во дворе в собачьей драке!

Сестра приглядывалась к каждому стволу – напрасно, больше с орехами не везло. Хорошо хоть ручей нашли с ключевой водой, да ещё и глубокий, искупаться получилось. Когда кожа свежая, чистая, это так приятно! Расчёсываться можно, глядя на спокойную поверхность воды, словно в зеркало.

Конечно, мы очень похожи: и лицом, и фигурой. Глаза, правда, у Малинки светло-карие, ясные, а у меня какие-то желтоватые, и мама говорила «с хитринкой». Зато носы у обеих одинаковые, маминые, курносые, и брови тонкие, маминые, и улыбка, как у неё. Нас увидишь, сразу скажешь – сёстры.

Отдохнули мы у ручья, побаловались, водой поплескались да дальше пошли. Только недолго довольны были – голод своего не упустит, раз взялся мучить, не отступится.

К вечеру мы еле ноги передвигали.

– Я устала, – вздохнула Малинка. Надо же, а ведь целый день молчала, не жаловалась и не хныкала! Так на сестру не похоже.

– Можно и отдохнуть. Но завтра с утра снова идём и не ленимся. Нам нужно найти еду.

– Ага, – еле шепчет она.

Ночёвку найти несложно – деревьев вокруг плюнуть некуда.

Малинка подходит к ближней ели, заползает под её ветви на карачках и ложится к стволу, я у выхода, палка рядом. Накрываю нас одеялом, сестра тут же закутывается в свою часть, натягивает край на нос и вздыхает.

Я говорю:

– Надеюсь, зверьё сюда не полезет.

– Нет тут зверья, Жгучка. Сама знаешь, так что не притворяйся. Не зря про этот лес слухи ходят... странный он какой-то, не на месте я тут, чувствую, словно в сон попала... скорее бы к людям выйти.

– Скоро выйдем.

Малинка уже не слышит, спит. Я сдаюсь, позволяю себе расслабиться, растечься по земле. Ноги болят, но разуваться глупо. Чулки за день к коже словно прилипли, и платье стало будто вторая кожа. Когда из дому бежали, не вышло штанов найти. Была идея в мальчишек переодеться, да какие из нас мальчишки? У Малинки грудь больше моей, да и волосы длинные, не принято мальчишкам с такими волосами ходить. Не вышло ни штанов найти, ни обуви добротной, пришлось в домашней улепетывать. Хорошо хоть одеяло удалось к рукам прибрать, иначе совсем тяжело было бы ночевать.

Теперь вся надежда на завтра. Если завтра мы не найдём еды, у нас не останется сил идти. Не знаю тогда, что делать. А Малинка молодец, не ожидала! За весь день ни разу не зарыдала и не капризничала, не жаловалась.

В горле болезненный комок сглотнулся. Это потому она такая стала, что я всю правду ей вчера как на духу выложила. Лишила детства.

Но что ещё было делать? Промолчать куда хуже!

Утром мы еле проснулись. От усталости кружилась голова, зато желудок замолчал. Если бы он ещё не болел!

Мы очень долго шли, вернее, брели, понунив головы. Голод стал таким сильным, что хотелось землю есть, только бы что-то на зубах было и в живот попало. Но землю нельзя.

– Всё будет хорошо, Малинка. Мы скоро найдём еду. Ничего не бойся, пока я рядом.

Не знаю, кому я говорила – ей, себе или миру. Сестра устало попыталась улыбнуться, но не вышло. Вокруг глаз тени, и даже волосы потускнели.

Так мы и шли. Даже мысли путались, как чёртовы ноги.

– Вон смотри, ягоды! – Вдруг крикнула Малинка. – Ягоды! Побежали!

И как рванёт вперёд, будто крылья выросли.

– Стой.

– Да там чисто, я вижу! – сердится сестра и бежит к стелящимся по земле кустикам, усыпанным блестящими каплями. Действительно, какие-то ягоды, правда, незнакомые. Растут кучно, вокруг чисто, зарослей нет, зверью прятаться негде, но та самая путеводная нить, которая вела меня последние дни, обходит ягоды далеко стороной. Наверное, не зря.

Мысли путаются, ворочаются лениво, но всё-таки работают.

– Подожди! – кричу я.

Живот сразу заурчал, так захотелось взять ягоды и раздавить на языке, и чтобы сладкий или кислый сок на нёбо брызнул. Представила и чуть слюной не захлебнулась.

– Чего?

Не знаю, чего. Да и... Нет, я тоже хочу!

Мы бросились к ягодам и упали рядом с кустиками на колени. Руки сами собой потянулись вперёд и так дрожали, были такими тонкими, сухими и бледными, даже не верилось, что это наши руки.

Я так спешила сорвать ягоды, что даже котомку со спины не сняла. Всего одно движение – и у меня будет еда!

И тут что-то будто дёрнуло сбоку за юбку. Я передвинула ногу, поправляя ткань, но её тут же дёрнули снова. Пришлось оглянуться. Руки замерли, не донеся желанную добычу до рта. Рядом из земли торчала как будто змея, однако змеи не могут вытягиваться вертикально вверх, и притом их головы не похожи на дыры, усыпанные зубами.

Ягоды высыпались из рук, я отпрыгнула от змеи раньше, чем задумалась. Змея быстро повернула зубастую пасть в мою сторону, а рядом с ней, взломав землю, появилась вторая. Вокруг шевелилась почва, растрескивалась крупными кусками, из-под которых что-то огромное рвалось наружу.

– Малинка, беги!

Почему-то я сказала шёпотом. Сестра, однако, отреагировала быстро, бросилась ко мне, по дороге наступив на очередную змею, лезущую из-под земли. Та запищала. Малинка завизжала. Окружающие змеи запищали ещё пронзительней. Вокруг стало слишком громко.

– За мной!

Я развернулась и бросилась прочь, забыв и про ягоды, и про пустой живот. И откуда силы взялись? Сестра неслась следом, а позади оглушительно трещала земля. Кто-то огромной рвался изнутри, скрипели сломанные ветки и рвущиеся корни, глухо бились о поверхность комки земли.

– Куда?! – Закричала Малинка.

Я оглянулась... лучше бы этого не делала – позади из-под земли лезло огромное чудовище, похожее на огромную гусеницу в жуцином панцире, вся морда и раззявленная пасть его усыпана зубастыми змеями. Мерзкое тело блестело от слизи и извивалось, сбрасывая с себя последние оковы – спутанные корни. И оно лезло и лезло, и конца-края ему не было.

– Жгучка!

Да, некогда рассматривать, нужно спастись. Палкой и обычного зверя не отогнать, разве что очень повезёт, а это чудовище нашими силами подавно не остановить. Понятно теперь, почему в лесу ни единой зверушки.

– Туда!

Нить снова появилась и вела дальше, прямо к арке из деревьев, причудливо искривлённых ветром.

Я рванула вперёд, надеясь, что ноги не подведут, иначе спасения не будет. К счастью, мы с сестрой всегда отличались резвостью и сейчас не подкачали – только пятками сверкали.

И снова, как день назад, стоило пройти между стволами, как вокруг словно круги разошлись, вспыхнуло и погасло еле заметное радужное сияние.

Мы бежали дальше, лес менялся на глазах – становился светлее, трава выше и... это же птица по земле скачет? А деревья какие тонкие встречаются...

Путеводная нить прервалась, пропала, однако и звуки взламываемой земли стихли. Неужели чудовище вылезло? Может, оно умеет перемещаться беззвучно и вот-вот нас настигнет, набросится со спины?

Ладно, обернёмся ещё раз!

Пусто. Позади только потревоженная трава безмятежно колыхается. Яркая и сочная, какой уже два дня не было видно.

Я глазам своим не поверила. Ноги подкосились, хорошо деревце под руку подвернулось, за него и удержалась.

– Стой. Малинка.

– Что?!

– Его нет. Мы, наверное, далеко убежали.

Сестра остановилась, быстро оглянулась, нахмутив брови. Не поверила, ясное дело, я тоже не понимала, куда делось чудовище. Просто словно за невидимой стеной осталось, ни звука, ни следа.

– Как? Как такое может быть? – Малинка осторожно возвращалась, вглядываясь нам за спины. Но там ничего не было. Между деревьями никто не двигался. Даже маленького зверька белым днём легко заметить, а уж такую громадину!

– Может, оно под землёй? – спросила Малинка.

– Но, когда бы оно успело туда залезть?

– Не знаю...

Но правда, чудовища не было нигде. Конечно, возвращаться и проверять, куда оно подевалось, мы не стали, быстро пошли вперед. Лес стал другим, светлым и тихим, совсем как у нас дома. А чудовище, видимо, из старого леса не вылезает, иначе все знали бы.

– Это из-за него Тамракские леса такими опасными считаются, как думаешь? – озарило меня.

– Ой, даже думать не хочу!

Она не хотела, а я вот хотела и подумала. И вот что выходит – не зря про эти места слухи ходят. Правда, какие-то смутные слухи, я никогда не слыхала про огромное чудовище со змеиными языками. Но, что опасно там бывать и мало кто живым выбирается, выходит, не врал. Если бы я не обернулась так вовремя...

В общем, улепётывали мы оттуда со скоростью ветра.

А потом мы нашли грибы...

Не знаю, как хватило терпения пожарить несколько белых крепких сморчков на костре. Сырыми их тоже можно есть, но потом плохо будет, особенно нам, с пустым животом.

– Я такой вкуснятины никогда не ела, – сообщила Малинка, обглодав свою палочку и поднося её к носу, чтобы даже остатков запаха не упустить.

– Точно!

И правда, такого вкусной еды сразу не вспомнить. Неудивительно, после двух-то дней голода.

– Ну, пошли?

Грибов было немного, но силы от них привалило как от целого обеда! В животе теплей и словно солнышко нежнее припекает.

– Как думаешь, жильё людское далеко? – спросила Малинка, размахивая руками и задевая ветки.

– Не знаю... Лес большой, говорят, больше недели через него идти, пока на Тамракские земли выйдешь.

– Сколько? – Она резко оборачивается. – Неделю? А что мы есть будем?!

– Иди, не бойся, выкрутимся. Всё равно обратной дороги нет.

После грибов легко стало, страх исчез, взамен пришла уверенность, что мы обязательно выживем. Вокруг добрый мир, не даст поди сгинуть.

– Не понимаю, – дуется Малинка, но послушно идёт дальше. – Почему ты такая спокойная? Ладно, еды нет... а чудище это подземное? Вдруг догонит? Вдруг мы сейчас на него наступим? Вдруг их в округе много?

Она даже руки расставила, пытаясь показать, как много чудищ поместится под каждым кустом да за каждым деревом.

– Нет, я тут прикинула – чудища из тех мест не вылезут.

– Откуда знаешь?

– Просто не вылезут и всё!

Как, интересно, я могу объяснить, откуда взялась моя уверенность, когда я себе самой этого объяснить не могу? О!

– Ототень! Ототень сказал: к счастью своему выйду. А какое может быть счастье – помереть от голода или в зубы чудищу угодить? Сама-то как думаешь?

Объяснение принимается, Малинка недовольно соглашается.

– Ладно уж.

– Иди-иди. И под ноги смотри.

Сестра смотрит под ноги.

Идти, кстати, легче стало. И совсем не из-за сил, которые прибавились. Просто...

– Похоже на тропинку, – задумчиво говорит Малинка. Тоже заметила.

– Погоди.

– Чего ждать?

Вокруг трава густая, зелёная, но проплешины такие... будто тут кто-то часто бежит по одному месту, а потом в траве всласть валяется.

– Опять нос шевелится, – ухмыляется Малинка. – Ты нюхаешь?

– Жильём не пахнет.

– А чем пахнет?

Пахнет обычно – травой, землёй, сырым мхом.

– Ладно, пойдём. Эй, чего встала истуканом? Топаи дальше!

Но Малинка стояла и смотрела мне за спину. Будто видела... Кто-то подкрался? Как?!

Там, далеко за деревьями стоял волк. Огромный волк с густой серебристой шерстью. Он был напряжён, уши торчком, глаза внимательно следят за нами.

Рядом Малинка так громко сглотнула, будто камень упал.

– Не бойся, – прошептала я. Волк выглядел так, будто бежал себе по своим делам и вдруг на нас наткнулся. И пытается понять, кто мы и чего тут делаем. До нас сажень с дюжину, поэтому он не спешит обратиться. Да и нападать один на двоих тоже не станет.

Тем временем волк поднял морду и смешно задвигал ушами. И выглядел так забавно, будто это не он для нас, а мы для него представляли опасность. Его хвост дёрнулся, как у собаки.

Я не сдержалась и фыркнула, волк тут же отпрыгнул на всех четырёх лапах и оскалился.

– Тише, – прошептала Малинка. Голос так и прерывается от страха. Я покосилась на сестру – стоит, судорожно вцепившись в свою палку и вздохнуть боится.

А волк вроде и не страшный. Скалиться перестал, глаза круглые, так ими и хлопает.

Вдруг серый снова подпрыгнул – прямо на месте, опустился на лапы, развернулся и стрелой метнулся в подлесок – только кусты закачались.

– Бежим.

Малинка вдруг как припустила в другую сторону! И успела за руку схватить, так что я со всей дури споткнулась и чуть головой в землю не врезалась. Выдернула руку.

– Чего ты? Он же ушел!

– Кто его знает, что у дикого животного на уме! Бежим отсюда.

– Да не будет ничего. Ушёл он. Дай отдохнуть.

– Шевелись, Жгучка!

– Ну ты и трусиха, Малинка.

– Это не трусость, а осторожность и здравый смысл! Это ты никогда не думаешь, а просто делаешь, что в голову взбредет!

– Я?!

Слов нет, как удивила. Разве я не старшая сестра, строгая и серьёзная, которая всегда обо всём позаботится и всё решит? На мне ответственность, поэтому я всегда вначале думаю.

– Малинка, ты чего?

Ну вот. Голова опустилась, плечи поникли и носом уже хлопает.

– Испугалась что ли?

Она нехотя кивнула.

– Да не тронул бы он нас! Он сам испугался, видела, как припустил?

Она подняла голову и резко вытерла рукавом слёзы со щёк.

– Откуда ты знаешь? И куда идти, и что чудище не догонит? И что волк не вернётся и стаю свою не приведёт? Мы ведь лёгкая добыча.

– Э-э-э... Ототень?!

Малинка буравит меня глазами, прищурила их в щёлки. Умеет взгляд такой неприятный сделать, что аж трясти начинает.

– Смотри, в пыль сотрёшь! Выешь в единственной сестре большую дырку! Бедный твой муж будущий, ты же ему всю кровь выпьешь, если так же станешь смотреть.

Сестра тут же злится, глаза так и сверкают.

– Не выпью! Своего лучше пожалей.

– Ой, да было бы кого жалеть, – фыркаю я, складывая руки на груди.

– Ага, покраснела! Как о тебе речь, так сразу отворачиваешься и от разговора уходишь, будто самой не интересно, какой тебе попадётся. Ототень про семьи всегда говорит, пусть и не прямо, значит, скоро к своему и выйдешь! Вот бедолага... Думаешь, твой от тебя не сбежит, когда узнает получше? Ты кого хочешь из себя выведешь!

– Я?!

– Ты! Да я в тебе, каменюке, до скончания веков дыру буду протирать и не протру!

– Да чего ты завелась-то?

– А чего ты всё ещё думаешь, что я маленькая! – кричит Малинка и вдруг топает ногой. Громко-то как... А после тишина.

Будь мы дома, уже успокаивала бы с улыбками, шутками да прибаутками. Однако надолго из головы не выбросишь: мы одни в глухом лесу и помочь некому. Некогда беситься.

– Хватит, – в моём тяжёлом голосе приказ. – Некогда нам истерить. Пошли дальше.

Малинка сжимает зубы и гордо вскидывает голову. Косынка её сползла назад, пряди лезут в лицо, приходится трясти головой и, хотя обычно мне смешно на неё в такие моменты смотреть, сейчас почему-то не до смеха.

Что-то тревожит Малинку, наверное, хочет быстрее взрослой стать. А я вот, дай мне волю, лучше бы в детство вернулась, где не нужно ни о чём переживать.

– И куда пойдёте-то? – раздался негромкий голос.

Боже, сильнее я испугалась, пожалуй, только когда чудище из земли полезло. Сердце как забилось, чуть не оглушило!

Ветви ближайшего орешника раздвинулись, и показался старик.

Крепкий, высокий, борода как лопата, улыбка добрая, глаза спокойные, словно безоблачное небо.

– Куда идёте-то, а?

Увидеть живого человека вместо чудовища с сотней языков на редкость приятно.

– К людям, – невольно улыбнулась я. Он пах безопасностью. Опять, как с нитью в лесу – знаю, что деда бояться не стоит, не станет он обижать. Отшельники все мирные, потому что в лесу со зверями и деревьями им приятнее быть, чем с людьми. Потому, говорят, в глушь и уходят.

А Малинка зато дёрнулась, как ужаленная и, насупившись, уставилась на незваного гостя.

– Ну, так, может, ко мне вначале заглянете? До людей-то ещё идти и идти. Я тут недалеко живу, совсем один, но накормить да баню истопить сумею. Пойдете?

Баню?! Вот это да!

– Да, с радостью! – я ответила первая и сама не заметила, как бросилась к старику. Малинка только что-то невнятно зашипела в спину.

– Вот и хорошо, – он огладил бороду рукой. – Отдохнёте, что в мире большом делается расскажете, может, и я чем подсобить смогу. От хорошей-то жизни, поди, в лесу бродить не станешь. Ну, догоняйте.

– Пошли, – я дёрнула Малинку за рукав и она, вздохнув, развернулась и пошла рядом.

* * *

Дед Ших принял нас как родных внучек. Жил он и правда один, хижина была небольшая, но крепкая, добротная. Вроде кто-то из знакомых помог со строительством, упомянул дед. И был у него огромный сарай возле хлева. И огород у него был немалый, и как-то вышло, что дед попросил нас задержаться на пару дней да помочь ему с посадками. Конечно, как мы могли отказать старому человеку, который так нас выручил? До сих пор помню кашу, которую он достал из печи, когда мы вышли из лесу к его дому. Да я в жизни ничего слаще не ела!

Так и получилось – днём мы ему помогали по хозяйству, а вечером все вместе пили чай и разговаривали. Вообще-то я подумывала промолчать про нашу судьбу, однако в первый же вечер всё выложила как на духу. Разве что имён и мест не называла.

– Стало бы, сироты вы? – вздохнул дед, выслушав нашу нехитрую историю. – И идти некуда?

– Да, некуда. Нам бы к людям, в деревню какую или город небольшой попасть, там найдём как прожить. Вот и решили сюда. В Тамрацкие земли любой может прийти.

– Прийти-то любой, – глубокомысленно отвечает дед, – да остаться может не каждый.

– Это как? – тут же лезет Малинка. Вначале она от деда подальше держалась, а теперь чуть ли не собачонкой вокруг вилась. Ни знали мы ни отца, ни дедов своих, только мама у нас и была. А дед Ших ласковый: и смотрит с добром, и по голове Малинку пару раз гладил, как маленькую. А сестра ничего, молчит и о взрослости своей не упоминает.

– Вам нечего бояться, – машет дед рукой. – Через пару дней отправлю вас в город хороший, пристрою к делу. Провожатого вот дожждёмся, и пойдёте.

Дед Ших продолжает хлебать горячий чай из блюдца, Малинка сидит на лавке, болтая ногами, а мне в голову лезет... какой провожатый? В вечер, когда мы появились и дед баню топил, вернее, мы топили под его указку, одежды сменной-то нет, так он отвёл нас в сарай и целых два мешка одежды разной на солому вытряхнул. Выбирайте, сказал, что хотите, пока ваша сохнет. Вся одежда мужская, добротная, хотя и не новая. Чистая, разве что пылью пахла. Крови и разрезов на ней не было, так что вряд ли с мёртвых снята.

– Осталось от детей моих да знакомых, вот и лежит на всякий случай, – пояснил тогда дед. Ну, я и забыла. А сейчас вспомнила. Не зря должно быть одежду хранит.

– Какой такой провожатый?

– А, знакомый один на охоту в старый лес отправился, как обратно пойдёт, попрошу и вас провести до города. Нельзя же совсем одним ходить.

– На охоту в старый лес? Там же чудище? Он что, на него будет охотиться?

– Да бог с тобой, – смеётся дед, щуря глаза. Нашему рассказу про чудище он, кажется, не поверил. Мы-то с Малинкой рассказывали, аж на словах спотыкались, а он только хмыкал.

– Так всё и было? – переспросил, а у самого глаза круглые были, что твои монеты!

Удастся ли мне когда-нибудь узнать, что это было за существо? Кто нас с сестрой в лесу чуть не сожрал? Такой огромный и тихий, такой незаметный, что даже местный отшельник о его существовании ни слухом ни духом? Да и кто в здравом уме пойдёт охотиться на эту гусеницу в панцире? Расскажи кому в городе – безумной прослывёшь.

Да, надо бы молчать. Но всё-таки, что за провожатый?

– А когда он придёт?

Слышу, как в голосе моём сталь звенит, а дед Ших и глазом не ведёт.

– Кто его знает. А вам что, плохо у меня? Спешите разве?

– Нет, нам хорошо! – тут же кричит Малинка, укоряя меня взглядом – мол, чего доброго человека обижаешь?

Я вздыхаю и молча пью чай. И правда, с чего я взбесилась? Хоть тресни, безопасно тут! В доме отчима целый день как на иголках ходила, а тут полной грудью дышу. Так что и правда, не стоит голову лишними страхами забивать.

* * *

На небе уже давно зажглись все звёзды, когда Всеволод, наконец, добрался до стариковской заимки. Ещё подумал: «Хорошо бы старый волчара не спал».

Словно услышав, дед Ших как раз вышел на крыльцо. Распахнул широко дверь – входи.

Всеволод с трудом разулся на пороге, стянул с плеч остатки куртки. Придётся выбросить, такую рвань уже не починишь.

Его шатало, голова как чугуном налита.

– Садись.

Дед Ших, искоса поглядывая, достал из печи кашу, налил большую кружку травяного отвара. С нетерпением ждал, пока Всеволод сядет за стол, пристроит длинные ноги и поест.

– Как там? – не сдержался.

– Плохо.

– Правду говорят про лесные войска?

– Да, дед. Они обходят лес с побережья. Пока только один отряд прибыл, но временники строят на целую армию.

Дед Ших глубоко вздохнул, вытер лицо трясущейся рукой.

– Значит, войне быть? Не дадут без боя на нашей земле жить?

– Мы и раньше знали, что не дадут. – Всеволод махом допил настой, наслаждаясь вкусом добавленного мёда.

Некоторое время оба молчали. На столе трещала свеча.

– Серый совсем лицом, давно не спал? – наконец, спросил дед. – Я тебя позже ждал.

– Надо спешить, встреча в Осинах через два дня.

– Молодой княжич едет?

– Да, дед. Так что нужно успеть. С утра рано уйду.

– Тогда дело к тебе есть. Пойдём.

– Куда?

– Вставай.

Всеволод послушался – зря дед Ших не станет гонять – встал, хотя усталость тянула вниз, и пошёл за стариком во двор. Там совсем холодно, свежесть по воздуху как ручей течёт, сверчки стрекочут, целый хоровод развели.

– Смотри, – дед Ших распахнул ворота сарая, придерживая, чтобы они не скрипели, и кивнул куда-то левее входа.

Всеволод недовольно зыркнул на него – нет, чтобы сразу сказать – но даже не подумал перечить. Сделал шаг вперед.

Взгляд обежал углы и упал на лежаки среди соломы. На них лежали две девушки.

Одна спала, повернувшись ко входу. Рука под щекой, по локоть голая, белая. Лицо незнакомое, юное и светлое.

И сердце уже обволакивает предательское тепло. А из памяти рвётся дом, где сёстры и братья, и он так же спит в сарае, а мама приходит с утра будить. А проснувшись, первым делом видишь сестру, которая зевает рядом, прикрывая рот такой же тонкой рукой.

– На вторую посмотри, – толкает в бок дед Ших.

Всеволод делает шаг вперёд и принохивается. Лица второй не видно, она накрылась одеялом так, что одна макушка торчит. Отбитый в лесу нюх возвращается, тонкий девичий дух проникает в его ноздри.

Дед Ших молча тянет его за рубаху из сарая. Вскоре они снова в доме, старик наливает квас из кувшина.

– Рысь, – говорит Всеволод.

– Не просто рысь.

– Ну, голубая рысь. И что? Если поискать, и у нас голубых ещё можно найти.

– Не в том дело, – руки деда трясутся, так что он отставляет кувшин и садится рядом, наклоняясь к гостю, щекоча руку бородой. – Эта рысь прошла по петле.

Всеволод неверяще дёргает головой.

– Что?

– Прошла и даже не поняла, что сделала. Две девчонки прошли по петле, Всеволод, по смертельно опасным местам, где один только шаг в сторону приводит к смерти, и одна из них – зверь! И вот что самое забавное – она понятия не имеет о своей сути!

– Прямо говори, что хотел, – устало просит Всеволод. – Нашёл время загадки гадать!

– Талисман на рыси, браслет колдовской, не даёт перебрасываться. Она вообще о зверях знает только понаслышке и не очень-то верит в их существование. Сказки, говорит, что призраки, что оборотни.

– И что? Раз среди людей родилась, понятно, отчего на ней браслет. Мать нагуляла, все знают, какие рыси... Родные не хотели видеть зверя, вот и подстраховались. Жестоко, дед, но что дальше-то?

– Её что-то ведёт сюда, Всеволод. Надо обоих в город проводить. Устроить. По петле так просто, без подготовки и расчётов, не пройти, сам знаешь. Это не просто везение... А вот что их зурп не сожрал, это уже везение. Да, ты правильно слышал. Зурп в петле на них напал, они успели сбежать. Не смотри, не знаю, как! Самому интересно, но рысь и сама не может описать.

– Оставь их у себя.

– Нельзя. Ты знаешь, почему. И так последние ночи как на иголках – вдруг волк вырвется и в сарай наведается? Я от людей ушёл, чтобы никого не тронуть, а ты мне девочками предлагаешь рискнуть? Нельзя им оставаться!

Всеволод вздохнул.

– Возьмёшь утром с собой и отведёшь в Осины. Путь зверя нельзя пресекать! А рысь в пути.

– Может, ты и прав. А может, случайность. Только некогда мне с ними возиться.

Дед отмахнулся.

– Они быстро ходят, ничем тебя не задержат. Надо пристроить их к делу, позаботиться. Помоги ты – и на твоей дороге помогут тебе!

– Опять ты за своё? Не то время сейчас, чтобы зазря тратить! И понукания свои щенкам оставь!

– Не всё приходит во время, но всё приходит вóвремя! – заговорил Ших.

– Дед! Прошу тебя, – Всеволод покачнулся.

– Не спорь с волей богов. Они лучше знают! – дед Ших явно рассердился, борода мелко тряслась. – Всё! Теперь иди в сарай, ложись.

– Может, тут останусь?

– Нет, – старик дёрнул головой. – Тут нельзя, сам знаешь.

– Да не боюсь я твоего волка, я как-никак альфа.

– Во сне посреди ночи за горло схватит, и не дёрнешься, будь хоть сотню раз альфа! Я знаю, что говорю. Зверь без контроля – моё проклятье! Зов Крови ещё и не то делает, а ты, хоть и альфа, иногда ведёшь себя словно щенок, раз не понимаешь!

– Может, проверим хоть разок? – недобро сверкают глаза гостя.

– Не спорь! Завел привычку – со старшим спорить!

– Как скажешь, – Всеволод, угрюмо смотря из-под насупленных бровей, встал и вышел из дома. Дед Ших накрепко запер за ним дверь, а после – ставни.

Глава 2. Где находится распутье, которого на самом деле не бывает для тех, кто идёт по своему пути

Вот и утро! Петух разбудил, бесстыжая птица, так оглушительно завопил, будто на голове сидел.

Опять зевота такая, что челюсть трещит и глаза никак открываться не хотят... Эх, люблю я поспать, как ни стыди меня, как ни укоряй. Отчим, бывало, всё утро мне над ухом кричал, какая я лентяйка, бестолочь и толку от меня нет никакого, ем больше, чем работаю. И, что если б не его безмерная доброта, я бы с голоду подохла. Что хорошие падчерицы на рассвете подпрыгивают и бросаются работать, а я целыми днями бока отлеживаю.

И действительно, хотя и привирал он шибко – вставали мы с Малинкой засветло и весь день работали, но дай мне волю... спала бы до обеда каждый день!

Толком не разлепив глаза, я принялась стягивать с себя одеяло, но тут в нос шибанул какой-то незнакомый запах, которого во владениях Шиха быть не должно. И пусть бы... мало ли запахов на белом свете, но это был запах мужчины.

Я вскочила. Малинка? Где сестра?

Что-о?!

Чужой человек разлёгся на голом полу, едва прикрытом соломой, прямо у наших лежачков. Здоровый какой! Густая щетина на подбородке, глаза красные, опухшие. Серые штаны и рубаха, ноги босые и грязные. То ещё зрелище! А самое дикое – верхом на его животе сидела Малинка, спросонья хлопая глазами. Боком сидела, словно на коне. Наверное, как обычно, с лежака сползала, но вместо соломы приземлилась на это... на этого...

Он молчит. Смотрит только неотрывно то на меня, то на сестру. Да откуда он тут взялся?!

– А ну отпусти её!

Я выпрямилась, кулаки сжались. Малинка говорила, что я, когда кричу, похожа на котёнка, который шипит. Вот не думаю, если этот тип пошевелится, я ему глаза выцарапаю. Так что смотри, незнакомец, разве похоже, что я отступлю и брошу сестру?! Разве я смешна в своей угрозе? И поверь, когда я заступаюсь за свою семью, убить могу!

– Руки от неё убери!

Малинка с недоумением смотрит вниз, как впервые видит, что он её своими лапищами размером с лопату за спину поддерживает, как будто иначе она упадёт. Вроде как одолжение великое делает. Неужели так ловко притворяется?

Незнакомец спокойно, на показ, убирает руки, кладя их себе на грудь. Фух, вроде обошлось.

– Успокойся, кошка, я её не обижу.

Густой голос такой ровный, серьёзный, так и подбивает ему довериться, но не на тех напали! Довериться пути или деду – одно, а незнакомому мужчине – совсем иное.

– Какая я тебе кошка?!

А Малинка вместо того, чтобы убираться скорей от незнакомца куда подальше, так и сидит, рассматривая его с большим интересом. И ещё смеётся.

– Слышала, Жгучка? А я говорила.

Ей, значит, весело?

– А ну встань сейчас же!

Пришлось со всей силы за руку её тащить. Малинка вскрикнула, отняв руку, и зло на меня уставилась.

– Ай! Осторожней. Оторвёшь!

– Прости, – однако я убедилась, что сестра отошла от незнакомца к выходу. Забрав вещи, с вечера сложенные под подушкой, мы вышли из сарая, а чужак остался лежать, где лежал. Только голову приподнял и смотрел на нас спокойным, медленным взглядом. Зря я, наверное, кричала. Он, вон, еле шевелится, слабый какой-то. Может и больной.

– Извини, – на прощание Малинка обернулась и улыбнулась чужаку. – Не очень приятно, когда во сне на тебя кто-то сверху валится. Хоть не ушибла?

И тут же захихикала.

Вот ещё, извиняться! Он сам тут улегся, никто не заставлял. Кстати, а чего он тут улёгся?

Дед Ших должен знать.

Я быстро оделась, прячась за дощатой дверью сарая, кое-как причесалась и вихрем влетела в дом. Дед не спал, он всегда поднимается раньше нас, вот и сейчас уже одет, умыт, борода расчёсана. Мельком смотрит и как ни в чём ни бывало говорит:

– А, вот и вы, девочки, встали. Пора, пора. Помогайте-ка накрывать на стол. Каша уже подоспела. Малинка, за водой сходи.

Сестра послушно убегает за водой.

– Кто это такой? Почему он в сарае? Вы знаете, что у вас в сарае какой-то дикарь?

Задавая вопросы, я помогала. Достала с полки, завешенной полотенцем, чистые миски. Вначале три, а потом, подумав, добавила четвёртую, ведь понятное дело, чужой не мог в сарае ночевать. Потом четыре ложки. Расставила посуду на столе.

– Хлеб порежь, – бросил мне дед, кивая, мол, теперь продолжай, я внимательно слушаю.

– Он спит в сарае! Ну, уже не спит, думаю, но почему он там оказался?

– Я его туда отправил.

– Но зачем?

– Что зачем? Всегда он там ночует. Вот ночью вернулся и спать пошёл. Провожатый это ваш, Всеволодом зовут.

– Всеволодом?

Малинка как раз вошла, притащила воду для отвара. Так и замерла на пороге, расширив глаза и открыв рот. Дед Ших потянулся за котелком.

– Я сама.

Я забрала у него котелок, налила в большой чайник воды и поставила на огонь.

– Он нас в город поведёт? – продолжала допытываться Малинка.

– Ага. Кашу из печи доставай и пойдти поторопи его, завтракать пора. Он пораньше выйти хотел. Спешит. Так что пойдёте быстро и это... слушайте его по дороге, делайте, что велит. Зла от него не ждите, слово даю.

– Я позову! – Малинка тут же бросилась во двор. Её незнакомец, похоже, ни капельки не напугал. Не могу сказать, что я испугалась... разве что за сестру. Здоровый он, Всеволод этот неизвестный. Когда я вижу шуплого парнишку, ну или хотя бы ненамного крепче себя, то думаю, в случае чего с таким справиться можно. Взять то же полено – и по хребту! Отчим наш хоть и надменный, а довольно худой, так что я его никогда и не боялась, даже если орал. А вот попадись такой лось – рукой двинет и всё, зашибёт. Поленом его разве что щекотать можно. Так что лучше подальше держаться, кто знает, что на уме у него.

– Не бойся, Ожега, Всеволод не тронет. Он, так сказать, наоборот, для защиты самый надёжный выбор.

– Не нужна нам защита! – привычно фыркаю я, складывая руки на груди. Вот так прими от кого одолжение и до конца жизни не расплатишься.

– И то верно. – не спорит дед. – Раз через лес перебрались, справитесь. Вот, держи.

Он достаёт из кармана и протягивает мешочек. В ткань врезаются края монет.

– Деньги? Что вы, не нужно!

– Бери! – прикрикивает дед Ших. – Как без денег пойдёте? Бери, не зли деда! На время одалживаю. Устройтесь, заработаете и вернёте. Или что, Всеволоду вас кормить прикажешь?

Нет, этого нам и даром не нужно. Этому незнакомцу нельзя быть ни в чём обязанной, ни в коем случае!

– Спасибо.

Чужая доброта всегда трогает. До слёз. Мама была доброй, но на то она и мама. Василь был добрый, когда мы у колодца встречались и он, краснея, повторял, как пойдёт руки моей просить и сделает меня счастливой. Та женщина, что летом на пастбище хлеб и овощи нам приносила, потому что сироты мы, при живом-то отчине. Вот и всё, пожалуй.

– Ничего, ничего, – дед вдруг обнимает меня, и вырваться совсем неохота, от него пахнет травой и дымом. На нашей кухне такой запах был. – Тамракские земли совсем не страшны. Страшно другое... что не все желают оставлять их Тамракскими.

– То есть?

– Не вашего ума дело, – он вдруг гладит меня по голове, а голос ласковый. – В Осинах хорошо, безопасно.

– А как нам тебя потом найти? Я деньги отдам, не думай!

– Знаю, знаю... В Осинах меня каждый знает. Спросите, где отшельник дед Ших живёт, путь покажут, а то и проводят.

Смех Малинки слышится со двора. Верно, идут. Когда на пороге вырастает огромная фигура, загораживая свет, я невольно цепенею. Разумом понимаю – дед не стал бы врать, а тело по-своему поступает.

– Садитесь, я вам принесу!

Малинка порхает по кухне, сверкая улыбкой, то и дело поглядывая на гостя. Такая счастливая, прямо светится. И не смущает её, что она в мужских штанах.

А Всеволод словно чувствует – заходит медленно, за стол садится осторожно, весь такой безвредный и безобидный. Только не обмануть ему меня – я тоже чувую, что за всем этим напускным спокойствием – сила и мощь. И страх мечется в груди.

– Ожега! – дед Ших уже сидит и хмурится. – Чего мой дом позоришь? Сядь!

Я села напротив деда, не спуская глаз со Всеволода. И постепенно мне удалось успокоиться. Кажется, вреда от него не будет.

Весь завтрак я наблюдала. Наш проводник угрюм и не любопытен, смотрит в тарелку, ест полными ложками, как будто долго голодал. Малинка то и дело о чём-то его спрашивает, дёргает, на месте усидеть не может, но чужак упрямо молчит.

Дед Ших еле дожидается, пока мы отвар допиваем.

– Всё, теперь быстро вещи собирать! Солнце встаёт, в дорогу пора. А я пока со Всеволодом поговорю.

Сухая рука неторопливо гладит бороду, гость зыркает над тарелкой в сторону деда, опирается локтями на стол и ждёт.

Наши вещи хранятся в сарае, ведь мы там жили, дед нас ночью в дом не пускал, говорил, что негоже нам со стариком в одном доме спать, дурным воздухом дышать. Знал бы он, сколько от нашего отчима дурного воздуха шло, особенно когда тот с пьянки возвращался, может, по-другому бы думал. Но мы и сараю рады, главное – крыша над головой.

Туда и идём. Всеволод убрал за собой сено, а наши места не тронул.

Малинка достаёт сумки, проверяет, на месте ли расчёска и зеркало, я скатываю одеяло.

– Видела, какой он? Высокий, что твоё дерево! Сердце заходится. А имя какое – Всеволод... Сладкое... Я, наверное, влюбилась! – щебечет Малинка, улыбаясь от уха до уха.

– Вот так сразу взяла и влюбилась?

– А ты чего хмыкаешь? Бывает же любовь с первого взгляда? Это точно она! Я когда на него упала, вначале жутко испугалась. Думала, со сна мерещится или правда медведь на

сеновал залез и в полный рост разлёгся. Значит, сейчас челюсть сомкнет на моей голове и всё – смерть придёт. А потом глаза продрала, смотрю – а у медведя глаза человеческие. Такие серые, что оторопь берёт. И он понимает, что я испугалась, потому не шевелится, хотя дух из него моё падение выбило. Звук такой был, словно на пуховую подушку ногами прыгнули.

Малинка давно не выглядела такой весёлой. Только вот надеюсь, что влюблённость выветрится из её головы так же быстро, как заветрилась. Не хватало нам ещё сердечных неприятностей! До любви ли тут, когда неизвестно, где и на что предстоит жить?

– Готовы? – гудит голос со двора.

– Да! – Малинка бросается туда, как пчела на медовые цветы.

Прощание с дедом выходит коротким – и хорошо. Иначе рыдала бы горючими слезами, а перед этим Всеволодом отчего-то неохота.

– Ну, ровной дороги.

Дед кланяется так, что борода до пояса достаёт. Мы, приложив руку к сердцу, тоже. Всеволод коротко кивает и идёт вперёд, Малинка бежит за ним вприпрыжку. Я вздыхаю – ничего не поделаешь, в город, так в город.

* * *

В Осины мы пришли через два дня поздним вечером. Наверное, из-за привычки ходить в тишине город я чувствую заранее, в воздухе столько шума и запахов! И поля вокруг засеянные, ни клочка земли зря не пропадает.

Недалеко от окраины мы останавливаемся у большого дома, где второй этаж шире первого и стоит на подпорках. Кажется, его стены выгнулись, как у бочки, и вот-вот лопнут.

– Вы молодцы, шли быстро.

Из уст молчаливого Всеволода подобная похвала, что ведро воды на голову. Бодрит.

– Да, – шепчет Малинка, чья влюбленность во время пути ничуть не убыла, разве что страданиями обросла, потому что все её попытки хотя бы поговорить Всеволод напрочь игнорирует. Сестра не сдаётся, она у меня настырная, и вода камень точит... но, к счастью, Всеволоду пора уходить.

– Сидите в таверне до утра, отдыхайте. Я записку пошлю, и утром придёт за вами Шихов друг, возьмёт к себе, устроит.

– А куда возьмёт?

– Не знаю.

Вокруг так темно, что только огоньки в окнах домов видать. Всеволод уже не с нами. Он постоянно смотрит на север, в сторону, куда ведёт дорога и чуть ли не переминается с ноги на ногу.

– Деньги есть? – спрашивает рассеяно, но свысока, с покровительством. Пока шли, удалось выяснить, что он не такой уж и взрослый – двадцать шесть лет. А с бородой и взглядом этим высокоумным при знакомстве на все сорок тянул. И молчанием своим. Отчего, интересно?

– Он, наверное, несчастный, – шептала мне ночью Малинка. Когда в дороге приходило время ночевать, мы ложились спать и обсуждали перед сном Всеволода, пока тот уходил в лес по своим делам. – Одинокий.

– Ага.

– Чего ты хмыкаешь? Почему ты вечно хмыкаешь и смеёшься?

– Я не смеюсь.

– Смотри! – грозила сестрица. – Однажды обижусь на тебя и больше не прощу.

Звучало жутко, я чуть было не вздрогнула, но признаваться не собиралась.

– Больно надо мне над тобой смеяться! И вообще, отстань.

Я отвернулась, смотря, как по кустам пляшут отблески костра, а дальше сгущается мягкая темень.

– У, Жгучка! Правильно мама говорила – ты как крапива! Тронешь тебя и обожжешься! Мама говорила, что правильное имя тебе дала, как чувствовала!

– Отстань, сказала!

– Бе-бе-бе.

Малинка надулась и тоже отвернулась, прижавшись спиной к моей спине.

С той поры мы помирились, конечно. Проводники приходят и уходят, а сестра всегда остаётся сестрой. Вот только сейчас, когда время расставаться пришло, она словно цветок поникший. Ищет взгляда Всеволода, я сама бы на его месте не выдержала, хоть улыбнулась бы! А он, как истукан каменный, ничего не замечает.

– Деньги есть, спасибо, что проводил, – благодарю я. И правда, не знаю, сколько бы мы без его помощи по лесу шатались, пока к людям бы вышли. А Всеволод словно по прямой линии шёл, даже головой не вертел, дорогу выбирая. Как будто дорога сама под ноги ложится.

Может, это его путь? Его нить?

– Ну, бывайте.

Всеволод кивает, а сам уже жадно щупает глазами дорогу. Похоже, куда-то сильно спешит.

Развернувшись, он так быстро пропал в темноте, что Малинка ахнула. И, конечно, сразу носом давай хлюпать! Ну, всё, будет рыдать полночи. И хотя я стою с недовольным видом, это просто личина такая – сестру жаль. Сердце скачет, но я сжимаю губы, будто ничего не случилось. Я помню, каково это, узнать, что Василь после первого же отказа отчима про меня забыл да на другой женился. Малинке сейчас несладко – Всеволод пропал, так и не поняв, что ей нравился. А может, и понял, да решил внимания на девчонку не обращать. Может, и спасибо ему за это сказать нужно, ведь сколько таких, что воспользовался бы оказией, задурил голову, а потом пропал бы и хоть трава не расти? Да ещё когда дело сирот касается, о чём дед Ших Всеволоду рассказал.

Так что, с другой стороны, не тронул, хотя мог. Не играл с девичьими нежными чувствами, не забавлялся. Может, и надо спасибо сказать. Только вот когда это разум помогал в лечении душевной боли?

– Он ушёл, – шепчет Малинка.

– Да. Мне жаль.

– Почему он даже со мной не попрощался?

– Он сказал: «Ну, бывайте». Это обеих касалось.

Спорить сестра не хочет, склоняет голову.

Приходится снова действовать самой. Снимать комнату, просить горячую воду, уговаривать Малинку искупаться и поесть. Между делом удалось выяснить, что на рассвете отсюда уходит обоз к Вишнянкам. Вишнянки – город на стороне людей, почти на границе с горными народами. Вишнянку я первым делом для жизни выбрала, много хорошего про неё слышала, но так вышло, что дорога наша шла ближе к Старым лесам и пришлось передумать. До Вишнянок от дома ни за что было не добраться! А тут я в таверне на карту глянула и чуть не обомлела! Не могу понять, но мы оказались где-то очень далеко от места, где в лес входили. Тут пути пешком месяца два по прямой, а лесом ещё дольше. Не знаю, каким чудом мы тут оказались – не по воздуху же перенеслись?. Но об этом лучше подумать потом. Сейчас надо устроить свою жизнь и хотелось бы самим сделать выбор. Спасибо деду Шиху, денег как наберём, обязательно вернём долг, но оставаться в Осинах как-то неохота. Зачем знакомым деда такая обуза – за девчонок чужих отвечать? Решено! Едем в Вишнянки!

Малинка, к счастью, не стала спорить и причитать, что в Вишнянках её Всеволод ни за что не отыщет, а в Осинах отыщет. Наверное, поняла, что хотел бы – сразу бы о встрече

сговорился, назвал бы способ, как с собой связаться можно. Но нет, он не взглянул ни разу, слова не сказал да сбежал, как только совесть позволила. Ждать нечего.

Ночь тяжёлой была. Малинка всхлипывала во сне, но я не только от этого просыпалась. Не знаю, отчего. Может, ту таверну грязную вспоминала, от беды в которой нас отсутствие денег спасло? Как я сразу на пороге не развернулась, увидав все эти сладко улыбающиеся рожи? Как сразу не поняла, что в злых местах помощи искать нечего? Но здесь – другое дело, таверна приличная, бояться нечего. И страха нет... Жалко Малинку, но разбитое сердце назад не склеишь. Да и любовь ли это? Глядишь, повезёт, забудет, говорят же – с глаз долой, из сердца вон.

Потом глаза снова открылись в темноте. На улице давно тихо, на потолке отпечаток луны. Малинка уже крепко спит. На миг показалось, что кровать подо мною становится мягкой, расступается, словно вода. Но нет – показалось. Я напрягла спину, и набитый матрас напомнил о себе колючими краями. Но заснуть не получалось ещё долго.

* * *

Во дворе дома много лошадей, привязанных прямо под открытым небом. Приехали!

Всеволод едва не споткнулся, спеша войти в дом, выстроенный в Осинах для совета. В коридоре его уже встречали, ярко горели лампы, и пахло едой.

– Ну, вот и ты!

Гордей крепко обнял друга, при своём относительно небольшом весе и внешней худобе умудрившись хрустнуть костями. Молодой княжич за последний месяц, что они не виделись, ничуть не изменился. Широкая улыбка, хитрые чёрные глаза, собранные в хвост волосы, из которого выбиваются пряди. Кожаная рубаша, протёртая у ворота и на рукавах.

– Дай и мне его пощупать, – Ярый, не дожидаясь очереди, полез вперёд. Он был выше, а в остальном мало чем отличался от молодого князя, многие даже считали их братьями.

– Ну давай и ты пощупай, – Всеволод отпустил Гордея и гостеприимно раскинул руки.

– Бородищу-то отрастил! – недовольно сказал Ярый, обнимая друга и отворачивая лицо, потому что борода тыкала в щёки. – Завтра побрейся.

– Зачем? У мужика должна быть борода. Никто же не виноват, что у тебя ещё не растёт, потому что ты малолетний.

– Всё у него растёт, – благодушно заметил Гордей. – Но ты уж и правда побрейся завтра, будь добр, как-никак за невестой моей скоро поедем, не хочу, чтобы девица испугалась.

– Невестой? – Всеволод нахмурился, опуская руки.

– Да. Совет считает, что, породнившись с людским князем, мы сможем избежать войны. Внуки князя будут править Тамраком, так зачем проливать кровь, пытаясь его захватить? А лесной народ побоится с нами связываться, вдруг люди на нашу сторону встанут? Такой план.

– Гордей, у тебя может не быть детей с человеком. И даже весенний отбор... ты ещё ни разу не участвовал. И вообще...

– Он всё знает, – огрызнулся Ярый, скалясь. Крылья его носа дрожали. – Думаешь, он не слышал этого ото всех подряд каждую минуту с утра до ночи всё время, что ты отсутствовал?

Всеволод перевёл на Вожака глаза и понял – его уже вывернули наизнанку, уже описали все последствия, уже источили и задёржали, насколько могли.

– Прости.

– Ничего. Не знаю, чего все паникуют. Что такого? Ну, женюсь чуть раньше, а с детьми что-нибудь придумаем.

Всеволод как впервые увидел широкую застывшую улыбку друга и сказал:

– Да, конечно.

Но радость встречи уже почернела.

Советники все были с дороги. Последний зашёл, когда молодой княжич с друзьями только сели за большой круглый стол в довольно тестом полутёмном помещении.

– Ну всё, все в сборе, – Беляк, старый вояка, отметил присутствующих и тут же набросился на молодых.

– Всеволод, чего так долго? Я уже слышал, что там войска, сиди, рисуй схему. Ярый, какого беса ты опять драки затеваешь? Осточертело читать на тебя жалобы! У нас война на носу, а тут альфа как петух во дворе хвост пушит! Чтоб больше такого не было! Гордей... – лицо Беляка смягчилось. – Я слышал о твоём решении насчёт свадьбы. Ты уверен?

– Да.

– Объясни.

– Я должен попытаться остановить войну. Так, как смогу. Это самый простой и бескровный способ.

Беляк понурился.

– Конечно, с одной стороны ты прав. Но всё же... Твоему вожачеству всего ничего, и двух месяцев не прошло. Давай подождём, ты как Вожак выйдешь на отбор и оставишь детей. С человеком у тебя их не будет. Потом женись, если надо.

– И толку? Великий князь отдаст дочь именно для того, чтобы его кровь, его внуки наследовали Тамрак. Другие дети – помеха. Не будет законных наследников... сам знаешь, что ждёт тогда моих незаконных. Люди непримиримы и жестоки.

– Мы сможем их защитить.

– Сможем, кто спорит. Но что это будет за жизнь?..

Советники разом загомонили. Возмущение, планы по сохранению крови Вожака, крики о силе, которую нужно демонстрировать.

Гордей вдруг несильно хлопнул ладонью по поверхности стола, споры мгновенно прекратились.

– Я уже озвучил решение. Моё сердце свободно, никто не пострадает. И я устал слышать одно и то же. Давайте уже к делу. Брачная грамота, дары... каков ритуал? Что мы должны сделать?

– Грамоту писарь составит, – поднялся Буревоу, который служил с Беляком. Всеволод огляделся, почему-то впервые подумав, что в совете состоят одни только бывшие вояки, кроме волхва, который сидел в углу и спал, прислонив голову к стене. – Подарки нужны, как соберёте, так и отправим.

– Нет, – Беляк тоже хлопнул по столу. – Не так.

– Так положено, – спокойно возразил Буревоу.

– Писарь составит грамоту и отдаст Гордею. Тот сам поедет за невестой. Сам представится, предстанет пред Великим князем и сам грамоту вручит.

– Зачем?

Беляк не отрывал от молодого княжича глаз.

– Поедешь сам, познакомишься с ней и решишь на месте. И не хмурься, в твоём слове никто не сомневается. Но мы с твоим отцом, в отличие от совета, считаем, что женитьба нашему делу мало чем поможет.

– Судя по историческим хроникам, это помогает, – возразил Гордей, насколько мог, спокойно.

– Да. Но детей ведь у вас не будет.

– Может, будут. Чего думать раньше времени.

– Может, – покладисто кивнул Беляк. – Да только не твои! И ещё, ты забыл, Гордей, что не только дети наследуют землю, но и вдовы.

В комнате стало тихо. У Беляка вдруг дрогнули губы, но он с силой сжал их и неторопливо сел.

– Грамота будет готова к утру, и ты повезёшь её лично. Я как глава совета решил. Молодой княжич молча склонил голову.

– Всеволод, схема готова? – Беляк выхватил у того из рук бумагу. – Ага, вижу. Лагеря, стоянки... Следы дивов?

– Нет, не единого. Они и правда ушли. Совсем. Последний корабль больше года как уплыл на их тайные острова, ни одного дива на побережье не осталось.

– Надо думать. Раз Козлоногих увезли, считай, про дивов на самом деле можно забыть. Жаль, что они оказались такими неблагодарными скотами! Теперь, после их заявлений о дарении земли кому ни попадя, мало кто поверит, что это они с нами на одной земле жили, а не мы с ними. Что никакого права чужой землёй распоряжаться у них не было.

– Белоглазых нет и нечего больше их вспоминать, – не выдержали члены совета. Дивов никто не любил. Когда зародилась жизнь, на Тамракских землях селились обе расы, но со временем дивы заняли край земли на границе с лесным народом и с людьми, создавая иллюзию, что их большинство. И уходя, дивы заявили, что именно соседям дарят эти земли, «запамятовав» о коренных жителях. То, что на этих же землях издревле звериный народ живёт, который своё отдавать не собирается, никому не интересно. Звериный народ всегда мало у остальных котировался, потому как жил по своей совести, не считаясь с чужими законами. И теперь мог за это поплатиться.

Беляк посмотрел на молодого княжича.

– Можете идти, разбирайтесь с невестой, а мы делами займёмся. Глядишь, и правда чудо произойдёт, делёжка миром обойдётся.

Гордей кивком позвал друзей и вышел из дома. Остановился во дворе, закинул голову к тёмному небу. Всеволод тут же встал у него за спиной.

– Старые маразматика, – выругался Ярый, останавливаясь рядом и тряся своими лохмами. Он не любил их в хвост собирать и стричь отказывался, так и ходил с метлой на голове.

– Не смей, – негромко сказал Гордей.

– Чего не смей? Бьют по самому больному и не видят, как тебя корёжит? Хочешь сказать, что они не видят, что тебе сидеть и слушать с невозмутимым видом – всё равно что в печи жариться? Будто кто в здравом уме подумает, что ничего не стоит жениться на незнакомой девке, которая всю жизнь будет нос задирать, потому как княжеских кровей, а тебя ставить ниже дворового пса, потому что ты самый натуральный зверь? По-ихнему – собака, без рода без племени?

– Да замолчи ты! – возмутился Всеволод. – Чего взбесился-то?

– Я не за себя взбесился, а за него! Он же не может.

– Ну всё, остынь. Это мой долг, – Гордей на секунду закрыл глаза и выдохнул. – Пойдёмте, погуляем лучше.

– Погуляем? – скептически хмыкнул Ярый.

– Да. Просто по улицам пройдемся. Молча. Ни к кому не цепляясь. Это ты сможешь?

– Веди.

В Осинах стояла ночь. Свет во многих окнах уже не горел, люди спали. По дороге и заросшей высокой травой обочине то и дело шныряли коты и припозднившиеся с прогулки куры. Долгое время слышался только шум шагов да зудение комаров.

– Твоя невеста, какая она? – нарушил молчание Всеволод. Наверняка, думал он, только я и не знаю. Ярый злится, значит, ничего хорошего, но хотелось бы услышать от Вожака.

– Обычная наследница, – ответил тот. – Ей двадцать четыре года, по словам, внешне вполне приятная, немного полная разве что.

– Ага, и много истеричка, – добавил Ярый, дёргая плечом.

Всеволод остановился:

– Она ещё и старше тебя на несколько лет? Отчего? Раньше, выходит, никому не нужна была, раз до сих пор в девках?

– Всеволод, чего ты добиваешься? – в голосе Гордея впервые за вечер прозвучала усталость. – И ты?

– Хватит гулять, – влез Ярый, сунув руки в карманы и сутулясь. – Забрели на окраину. В лес что ли тянет? Чего там делать? Лучше бы в кабак пошли. Есть тут? А, можешь не отвечать, откуда тут кабак? Куда ты нас хоть привёл, знаешь?

– Нет, – Гордей остановился, оглядываясь. – Я не знаю этих мест. Новые дома?

– А я узнаю. Я тут утром был, – Всеволод показал на двухэтажный толстобокий дом. – Это таверна.

– Чего ты тут делал?

– Девчонок привёл от Шиха. Тот в лесу нашёл двух сестёр, просил устроить. Говорит, по петле они прошли с людских земель.

– Чего? – Ярый сунулся вперёд. – Совсем свихнулся там в глуши волчара дряхлый? Умом тронулся? Девки по петле?

– За что купил, за то и продаю.

Гордей вдруг вскинул руку, с силой потёр себе лоб, глаза, щёки.

– Ладно, пошли спать. На рассвете подъём.

Ещё до первых петухов писарь принёс грамоту, разукрашенную цветными узорами, с нижней просьбой осчастливить Вожака, будущего князя Тамракских земель, рукой прекрасной дочери Великого Князя. Подарки в карете с охраной отправили следом.

Молодой княжич с друзьями поехал вперёд.

Глава 3. Про пустые короба и про полные

Вишнянки оказались чудо как хороши, всю славу свою с лихвой окупили! Многолюдный городок, разлётшийся на трёх холмах неподалёку от торгового пути. А с другой стороны – широкая спокойная река. Все улицы в цветущих вишнях. Не город, а картинка. От отчима так далеко, что он и не подумает нас искать в этих местах.

Мы с Малинкой устроились в местной таверне и занялись поиском работы. Это непросто. Вот, к примеру, что мы умеем? В поломойки идти всегда успеем, как и на ферму – за животными ходить, но это очень тяжкий труд, не каждый выдюжит. Да и мы к нему не приучены. Конечно, по дому приходилось много чего делать, отчим не любил на лишние служанок тратиться, но потому я и знаю – в поломойки идти последнее дело. Там не только платят мало, а ещё и всякий встречный-поперечный норовит обидеть.

Если денег не останется, сама работать пойду, а Малинку всё равно не пущу.

Можно, конечно, к кому-нибудь в ученики податься, но тут тоже сложности имеются. Шить да кружева плести – глаза за несколько лет испортишь. В лекари – хоть малейший дар нужен, иначе никто к тебе не пойдёт, подобным даром ни я, ни Малинка похвастаться не можем. В повара... желающих больно много на хлебные-то места, никто незнакомок с улицы не возьмёт.

Так и ходили мы по Вишнянкам, думали.

А потом нам будто само небо помогло!

Брели по улице за тощим пожилым мужчиной, который толкал доверху гружёную тележку с рынка и неудачно зацепил её колесом за камень. Тележка, ясное дело, на бок, все продукты по дороге рассыпались. Картошку с луковицами мы с Малинкой из кустов выбирали, а вот молоко разлилось – не вернёшь.

– Жена убьёт, – покачал головой мужчина, осматривая белые лужи в пыли. Потом посмотрел на нас. – Местные?

– Нет, – тут же воскликнула Малинка, хотя я миллион раз просила её незнакомцам про нас не болтать!

– Работу ищите? – что-то прикинув, спросил мужчина. С чего он взял, интересно? Только глянул разок – и сразу понял? Неужели у нас на лбу написано, что мы работу ищем? Сейчас, поди и предложит... поработать. Мне уже не раз за последние дни предлагали, благо, Малинка не слышала!

– А ну, пошли за мной.

Горестно взглянув на тележку, он потолкал её дальше, причитая:

– Надо было Прутьку слать. Вздумалось же ему заболеть так не вовремя! Прикидывается, поди, засранец! Нет, Глашка точно меня заест за молоко и сметану. Хоть масло не покупал. Ах, бесы попутали, масла-то я не купил!

Мужик в сердцах бросил тележку и полез в карман. Достал деньги, протянул мне.

– На. Купи два больших куска масла. Котомку на, не в руках же нести, потает. – Он выкопал среди овощей сумку. – Рынок вон там, за углом. Масло принесёте туда, – он ткнул пальцем в другой конец улицы. – Дом с белеными стенами, вывеска «У Глаши». Идите.

Схватив тележку, мужик бодро потрусил дальше по улице, а я с недоумением посмотрела в ладонь, где лежали монеты. Потом развернулась и отправилась на рынок.

Так мы и нашли работу, да ещё и с проживанием! Дом «У Глаши» оказался чем-то вроде домашней гостиницы для нежелающих жить в шумных трактирах. Тут были семейные комнаты, домашняя еда и покой. Спиртного не подавали, зато была детская площадка с присмотром. Заправляли домом Глаша и её муж, Фадей, который и нанял нас на работу. Начали они своё дело давно, были молодые и успевали всё сами, а теперь годы уже не те, и помощь будет

кстати. Фадей так нас хвалил и так на здоровье жаловался, что его жена быстро согласилась – да, помощь не помешает. Правда, мне показалось, работодателю нашему просто лень работать. Но какое нам дело? Раз Глаша не против, то мы ж себе не враги, чтобы отказываться.

Так мы и устроились!

Малинка сидела с детьми, я помогала со всем подряд – и убирала, и готовила, и еду в столовой подавала, а в свободное время за магазином следила. Был там небольшой магазинчик мелочей, куда через отдельный вход с улицы местные заходили.

Работы было много, уставала я сильно, особенно вначале, пока мы не приспособились. Зато в остальном жаловаться было не на что – удобная комната, хорошие хозяева и место, где опасаться нечего. Приезжал сюда в основном горный народ по своим торговым делам. Из местных заходили дети да женщины. Правда, потом и парни появились. Вначале по одному, после по двое, а там уже и по несколько человек. То спички просят, то соли. Был среди них один – косая сажень в плечах, волос буйный, кудрявый, да голос сладкий, словно змея в душу пробирается. Звали его Огний. Он приходил каждый день, улыбался такой своей улыбочкой и, наклонившись ближе, шептал:

– Ну, здравствуй, красавица.

К щекам невольно приливалась кровь. Одет Огний был добротно и дорого, щегольски даже, я бы сказала. Рубаха навыпуск у него была, без пояса, словно он лишний раз хотел показать, что от всех свободен. Любил себя показать. А чего не любить показать, если посмотреть приятно?

– Пойдёшь вечером гулять? – каждый раз спрашивал он и вроде как ждал ответа.

Я, если честно, очень сильно хотела с ним погулять. Даже пугалась, как сильно. Но... не могла. В горле словно ком стоял и не давал согласиться. Всё, что выходило – глупо краснеть да глаза отводить.

Его друзья были не такие смелые и, чего уж скрывать, совсем не такие красивые, но оттого, что они стояли рядом и слушали, я молчала ещё крепче.

Так они и ходили, даже других покупателей не смущались, подмигивали всё да подшучивали. Я уж и не знала, куда от стыда деваться, думала, хоть бы он перестал ходить, хоть на день-два отдых взял.

Не тут-то было.

Однажды Огний пришёл один, да и в лавке больше никого не оказалось. Привычно поздоровался и попросил верёвки пеньковой отмотать три сажени. Верёвка, скрученная в моток, под прилавком стоит, даже отходить не надо.

Когда я за ней наклонилась, моих волос что-то коснулось. После того случая с чудовищем в лесу я боюсь неожиданных касаний, каждый раз первым делом думаю – вот оно, нападает, сейчас сожрёт!

Но это Огний держал в пальцах прядь моих волос. А мне казалось, что он меня спеленал невидимыми нитями и шевелиться не давал, только кровь к лицу прилила.

– Пойдём вечером гулять? – тихо просил Огний, улыбаясь так, что белоснежные зубы сверкали как самый сладкий сахар. Пахло от него свежим хлебом. – Чего молчишь? Тогда я сам отвечу – да, пойдём. Жду тебя в конце вашей улицы, когда стемнеет. Обязательно приходи, слышала?

Он отодвинулся, сунул руки в карманы и, довольно улыбаясь, ушёл. А моё сердце билось, трепетало, как рыба на берегу.

– Чего опять этому паршивцу надо было?

Из коридора, что ведёт в дом, показалась Глаша с корзиной стираного белья.

– За бечёвкой пришёл, – пролепетал кто-то неуверенный моим голосом.

– Ага, как же, – надо же, взгляд у нашей хозяйки, что у змеи, которая пасть разевает, чтобы ядовитые зубы показать. – За бечёвкой! Ха! Ты, милая, не слушай его, мало он что ли девок в Вишнянках перепортил! Он же сын самого главы местной охраны, первый парень на

деревне! С колыбели общий любимец, глазки строит, что дышит. Такой девку навряд тебя легче лёгкого вокруг пальца обведёт. Хоть бы женился скорее, вроде осенью уже свадьба. Женится – девки, глядишь, отвадятся, кто поумней. Ну, а дурам закон не писан.

– У Огния? С кем свадьба?

Хорошо, что я сидела, иначе неловко бы вышло, свались я на месте, как подкошенный сноп.

– А, ты ж не здешняя. Наверное, потому и краснеешь так? Неужто понравился? – говорила Глаша, перетряхивая бельё. – Паразит этакий! А то я не знаю, чего он сюда ходить повадился! Смотри, оставит, как пекарку, с пузом и дорогу забудет. На дочери торговца он женится, на Анне, за ней самое богатое приданое, да и сама ничего, гордая разве что больно.

Раньше и у меня было приданое... И думаю, побольше, чем у дочери торговца в приграничном городе. Мой дед приближённым Великого Князя был, так что мои дети могли бы претендовать даже на титул. Если бы всё сложилось иначе...

– Так что смотри, Ожега, не слушай соловья этого залётного!

Глаша ругалась вроде бы сердито, но смотрела серьёзно, с жалостью. Покачала головой:

– Куда тебе ещё, дитё-безотцовщина? Сама не устроена, да и сестра у тебя.

– Я не собираюсь! – щёки снова вспыхнули, верно, вторым слоем, а то и десятым.

– Да, да, все так говорят! – Глаша крякнула и отмахнулась. – Смотри, я предупредила, дальше дело твоё!

Весь день меня словно в печи жарили да сушили. Хотелось пойти. Страшно было идти. Знаю я, как сплетни по селу расходятся – люди постараются, так и белое очернят, раз плюнуть! Вдруг я ему и правда нравлюсь? И пекарка пузо от другого нагуляла, а на Огния от стыда или злости свалила? И болтают про него, потому что завидуют красоте да положению? Про нас с Малинкой тоже много чего болтали. И жениться, может, он и не собирается, а родители его мало ли какие планы строят и о том на каждом углу говорят?

А иначе взглянуть... вдруг правда? Достаток в семье важен, а гулять брак ещё никому не мешал. С чего бы ему богатое приданое на меня, безденежную, менять, да ещё с сестрой на привязи? Чужачки без роду, без племени? Что во мне такого особого? Красота? У многих красота есть, у меня разве что глаза странные, словно лисьи, да волосы гладкие и пёстрые. Нос маленький и слишком острый. В остальном мало чем от других девок отличаюсь, сестра и та, на мой взгляд, краше. Глаза у Малинки огромные и словно золотые, а волосы, если распустить, как волна шёлковая. Носик такой маленький и аккуратный, что будь я людоедкой, с него бы и начала.

В общем, есть и красивее меня!

Обедали мы с Малинкой в своей комнате, там тише и уютней, чем в зале у кухни, где постояльцы едят. Ну, я ей всё и выложила, не стерпела – и про приглашение, и про сомнения свои.

– Конечно, иди! – ни секунды не думая, воскликнула сестра. – Чего ты сплетни слушаешь? Я же знаю, в тебя можно влюбиться, да так крепко, что до конца жизни других не увидишь! А деньги – ну что деньги? И без них жить можно.

– Так ты сестра, не считается.

– Ха! Смотри, будешь трусить, упустишь счастье своё. Забыла, что Ототень говорил? Путь через лес приведёт к твоей судьбе. Это Огний и есть!

– С чего ты взяла?

– Ну, он тебе нравится?

– Ну... да.

– Ха, как ты краснеешь, аж пар из ушей валит.

– Не придумывай, ничего не валит!

– Ладно. Но всё равно иди. Если бы... если бы меня Всеволод пригласил – я бы никого не слушала! Да я бы на край света за ним тотчас пошла!

– Так то ты.

Малинка надула губы.

– Не дуйся. В шестнадцать я Василию тоже поверила. Но с тех пор подросла и поумнела. Так что не смотри букой! Не хочу я тебя обидеть. Просто знаю – и ты подрастёшь и поумнееешь. И это несладко.

– Да ты просто ходячая древность! – ахнула Малинка, хватая себя за щёки и мотая головой, притворяясь изумлённой. – Мудрая, аж трясёшься! Из твоих уст одна истина льётся! Чего тогда спрашиваешь вообще сестру?

– Просто мысли вслух.

Снова огрызаюсь. И правда, зачем мне её спрашивать? Самой нужно решать.

Вот, к примеру, чтобы я сказала... Малинке, если бы она с Огнием на свидание собралась? А я уже слышала бы про него всякое. Что бы сказала?

Нет, не знаю. Я вообще не знаю, смогу ли когда Малинку на свидание отпустить. С кем угодно!

А она вот может...

В общем, чего юлить, на встречу я пошла.

* * *

Вишнянки в темноте выглядели совсем иначе. Запах дорожной пыли сменился цветочным ароматом цветущих в садах яблонь и черемухи, по вечерам в сто раз более сладким. Вишни уже отцвели, но дорогу всё равно будто облако пушистое обнимало. Месяц поднимался всё выше, в безоблачном небе сверкали волшебные яркие звёзды. Как будто в другое место попала, из тех, про которые сказки сказывают.

Огний должен ждать в конце улицы. Днём она почему-то не была такой длинной.

Я будто летела, или мне казалось, что я стала лёгкой, как пёрышко, которое любовь в спину сильнее ветра толкает.

А что если... Тут пёрышко превратилось в камень и ноги опустились на землю. Что если отчим нас с Малинкой найдёт и про Огния узнает? Что с ним сделают?

Могу ли я на себя такую вину брать? Может, стоит остановиться прямо сейчас и развернуться обратно? Но так хочется хоть разок сходить погулять с парнем! Я ведь никогда, никогда ни с кем не гуляла! Те несколько разговоров с Василём белым днём, когда люди неподалёку, вот и вся моя история.

Ещё не известно, найдут ли нас отчима приспешники. Да и Огний... может, если до дела дойдёт, сумеет за себя постоять? На вид так он и быка на лопатки способен уложить и не взмокнуть.

И потом, это и после можно решить, завтра утром! Я же не замуж выхожу, а всего-то по Вишнянкам пройду.

И ноги снова радостно понесли меня по дороге.

Огния пришлось ждать. Наверное, я поспешила и пришла рано, он же сказал – как стемнеет, а ещё только сумерки.

Буду ждать. Правда, вокруг черёмухи столько, что аромат просто душит, а в глазах рябит от белых пятен.

А что, если Огний не один, а с друзьями придёт? Может, я неправильно поняла, и он просто пригласил меня погулять в компании? А я надумала себе невесть что!

На улице никого... в такое время все ужинают и ко сну готовятся, я уже спать ложусь. Однако сна ни в одном глазу, сердце так стучит, что и мёртвого разбудит!

Откуда он, интересно, выйдет? Ну, точно не со стороны полей, значит, оттуда.

А вот он... Идёт, не спеша, но один. Он один! Сердце загрохотало ещё сильнее, прямо как колокол, надеюсь, кроме меня, этот грохот никто не услышит. Значит, я правильно всё поняла?

Ладони взмокли. Кто не мечтает встретить прекрасного юношу, который полюбит больше жизни и попросит твоей руки, как самого желанного на свете сокровища? Ну, может кто и не мечтает, а мне бы этого хотелось... Чтоб любовь такая, что воздух в груди стоит, а на щеках жар от любого его взгляда.

Кто лучше Огня подходит? Он самый красивый, на него можно часами любоваться. Каждое его движение, каждый шаг безупречен. И голос его пробирается в самое сердце!

Теперь он совсем близко, улыбается.

– Я знал, что ты придёшь. Поцелуешь меня?

Это вместо приветствия что ли? Но не так же сразу?

Моё дурацкое упрямство тут же наружу полезло.

– Зачем это?

– Смотри, больше не предложу, – хмыкает Огнь, откидывая волосы со лба рукой. – Ну ладно, пошли.

Он разворачивается и идёт к реке. Мог бы и меня спросить, хочу ли я у воды мёрзнуть, или хотя бы подождать, умерить свой шаг, но он даже не смотрит. Говорит властно:

– Я вчера тут троих бродяг видел. Вот, проверю сейчас, убрались ли прочь. Это моя земля, нечего тут незваными ходить! Я сказал – ещё раз увижу, не ждите пощады! Собак натравлю. Конечно, они ушли. Но я всё равно проверю, земля-то моя.

Еле догнала его, пошла рядом. Если на встречу я летела, то теперь хотелось неспешной прогулки, но Огня это, похоже, не заботило.

– Это наши пастбища, – Огнь останавливается только когда дорога выводит к полям. Там загоны для овец и пастушьи сторожки.

Но как он всё-таки хорош! Плечи бугрятся, буйные волосы так и тянет потрогать. Пахнет приятно, хлебом и мёдом.

– Дом мой хочешь посмотреть? Отец строит. Правда, там пока только стены.

Он, не дожидаясь ответа, снова куда-то идёт. По дороге рассказывает, где кто из его друзей живёт и где что они делали. Если послушать, они только и делали всегда, что целыми днями по улицам ошивались, на девок смотрели да скандалы учиняли.

– Я из-за тебя от друзей сегодня отказался, если что!

Наверное, это должно меня поразить, но становится неприятно. Велика заслуга – вечер без друзей-бездельников провести.

Когда мы дошли до места, ноги уже гудели.

Дом ему строят большой, сразу видно, не для одного, для семьи. Но вопрос застрекает в горле. Мы идём дальше.

Когда совсем стемнело, Огня видно не стало, только пятно белой рубахи да голос. Он хохотал и бесконечно говорил о себе самом. Мне ни одного вопроса не задал, не спросил, кто я и откуда, и как в Вишнянки попала, и почему у Глаши работаю.

Кажется, ему всё равно.

– Ну, чего примолкла?

Шёпот раздался прямо у моего лица. Кажется, я слишком задумалась и не заметила, как мы остановились. Дорога так и идёт вдоль околицы, тут луга, до ближних домов далеко.

А это что? Зачем... он меня за талию обнимает?

– Поцелуя просить не буду.

Он говорит, а его дыхание над моей головой плывёт.

– Замёрзла?

Надо же, когда тебя обнимают, это... приятно. Только он как будто трясётся мелкой дрожью, пальцы, как твёрдые палочки, упёрлись в мою спину.

– Пошли на сеновал?

Я ослышалась?

– Что?

– Пошли, я же тебе нравлюсь? Чего? Видел я, как ты на меня смотришь. Ты мне тоже нравишься.

Твёрдые пальцы больно гладят по спине, а губы дышат так близко, что коже на лбу щекотно. Ещё немного – и Огний стал подталкивать меня прочь с дороги в поля.

Получается, он специально меня сюда вёл? Тут сено хранят, последние стога с зимы остались.

Моё упрямство тут как тут.

– Нет, на сеновал иди без меня. Неужто сам не справишься?

Огний тут же выпускает меня из объятий. Отходит, будто и не обнимал. Ну вот... не зря мама говорила, я любого обидеть могу. Говорю, не думая, а потом сама раскаянием мучаюсь. Но поздно – слово-то уже вылетело.

– Смотри, не пойдёшь, больше гулять не позволю.

Как он может веселиться? Смеяться над таким? Неужели не обиделся? Жаль, глаз не видно, о чём думает – не понять.

– Ладно, не хочешь, как хочешь, – он отступает. – Ну, я пошёл тогда. Чего просто так ноги по земле бить.

– Постой! – не сдержалась я. – Но разве... разве я тебе не нравлюсь?

– Нравишься, – он тут же возвращается, снова подходит ближе. – Я и говорю – пошли на сеновал. Я не каждую зову, ты не думай.

Его запах манит, он такой сладкий, домашний. Семья...

– А правду говорят, что ты осенью женишься? – тихо спрашиваю я.

– А, когда ещё та осень, – беспечно отвечает он.

– А... а я?

Он хмыкает, горячие ладони снова ложатся мне на спину. Такие приятные прикосновения... никогда не думала, что меня можно касаться так... нежно.

– Может, я не женюсь, возьму да передумаю.

У него очень тихий голос, такой приятный...

– Но... ты собираешься?

Он засмеялся.

– Нашла о чём думать! Я же тебе нравлюсь.

Нет, не умею я с парнями говорить. То ли я неправильная, то ли что не так делаю. Почему-то самого главного ответа я так и не услышала? Неужто не так спрашивала? А как? Надо подумать, отчего мои вопросы такие, что и отвечать на них необязательно.

Выходит, пора домой.

– Огний, проводишь меня?

– Так ты всё-таки не пойдёшь?

Странно, чего он удивляется. Неужто думает, что я и правда с ним на сеновал пойду? Я же его совсем не знаю!

– Нет.

– Ну и иди тогда сама, – огрызнулся Огний. Обиделся.

Его шаги удалялись, становилось одиноко и холодно. Да уж, прогулка не вышла. Я мало разбираюсь в таком, но неужели тут принято, чтобы сразу же на сеновал отправляться? Ни познакомиться толком, ни планы узнать, ни решить, подходим ли мы друг другу?

И вот ещё... щёки снова горели, но уже не так приятно. Неужели я похожа на такую, что можно пригласить сразу в сене кувырнуться и рассчитывать на согласие?

Не хотелось бы.

В другое время я бы поостереглась по ночи гулять, а сейчас упрямство выручило. Или злость, не знаю, но добежала я до дома быстро и ни разу не испугалась.

В комнате меня ждала Малинка: волосы всклокочены, в глазах ни капли сна.

– Ну как? – вскакивает сестра, которую аж трясёт от любопытства. Даже не заметила, что волосы за спинку кровати зацепились, как дёрнет головой – клочок точно вырвет.

– Никак. Спать лучше ложись.

– Ну, нет уж! Расскажи! Что он делал? В любви признавался? Красивой называл? А ласковые слова какие говорил?

Даже неловко как-то стало. На сеновал звал, было дело, а в любви... Даже не спросил, надолго ли я в Вишнянках, может, через неделю уеду и никогда не вернусь?

– Не знаю...

– У, – скисла сестра. – Как-то ты не очень рада.

– Ага. Какой-то он... как пустой короб. На рынке, когда смотришь на берестяные короба, все такие расписные да красивые, всё думаешь – и что же там внутри? Что за чудо он прячет? Может, орехи или конфеты? Или булочки с ягодами? Или мёд? Хватаешь, открываешь в предвкушении – а там пусто.

– Огний – пустой короб, – повторила Малинка.

– Или я такая глупая, – даже злость накатила. Что я не так сделала? – Может, я не приспособлена к любви. Не умею парнями крутить, заставляя вести так, как мне охота.

– Ага, это точно! Не умеешь.

– Ох, вы посмотрите! А ты умеешь?

Малинка смотрит, а у самой губы от смеха так и дрожат!

– Ладно, Жгучка, не заводись. Может, Ототень не про него говорил?

– Думаешь?

Я как-то и забыла про слова Ототня. А если вспомнить...

– Вообще-то он про любовь не говорил. – Почему я раньше не поняла? – Он говорил – судьбу свою встретишь. Так это, может, и не про любовь.

Малинка с шумом выдыхает и падает на кровать. Защемленные волосы так и не заметила, ладно, помогу, сестра всё-таки. Правда, она с таким подозрением за мной наблюдает, будто ждёт, что я её за космы таскать собралась. Или кажется?

Потом улыбается.

– Ложись спать, Жгучка, и не думай о плохом! Все знают, Ототень про любовь только и говорит.

– Ага, конечно.

– Конечно!

– Да? А тебе самой-то он что сказал?

Малинка недовольно хмурит брови.

– Маленькая ещё.

– Кто? Я?

– Нет, не ты, – сердится Малинка. – Ототень мне сказал: «Маленькая ещё».

– Что? Так и сказал? И всё? А предсказание где?

Что-то никогда я не слышала о таких странных предсказаниях. Хотя верно, Малинке тринадцать всего было, Ототень мог ещё и не знать её судьбу. Не всегда же судьба с рождения решена, бывает, со временем меняется.

– Так и сказал! И не спорь, это тоже было сказано о любви!

Спорить совсем не хотелось, хотелось верить, что Ототень на самом деле обещал мне крепкую семью и счастье. Зря я что ли через лес страшный бежала да сестру за собой волоком тащила? Чуть не сожрали нас там, голодом мучились. Неужто напрасно?

Ночью я снова проснулась. Говорят, во снах возвращается то, что днём случалось. Говорят, мы будто заново одно и то же переживаем.

Не удивилась бы я, приди в мои сны Огний, который станет сверкать своей лихой улыбкой и раз за разом повторять вкрадчивым шёпотом: «Пошли на сеновал, ты мне нравишься, когда ещё та осень? А то смотри, не позову больше гулять. Пошли... Я не каждую зову. Пошли».

Но Огния не было.

Что-то другое мне снилось. Как будто я лежу на чём-то твёрдом, может, на земле или на деревянном полу, и вдруг под спиной это твёрдое тает, как лёд, превращаясь в тёплую воду.

И я медленно погружаюсь в глубину.

* * *

Людские деревни сменяли друг друга, как по часам. Погода была хорошей, дороги сухие и ровные, в общем, бери да радуйся, что планам помех нету, но чем ближе к людской столице, тем медленнее двигался Гордей.

Всеволод давно заметил. Каждый день новые задержки и отговорки – то надо чего-то ждать, то замедлить шаг, чтобы что-то послушать, то пропустить других конных. Если бы не знать, что это невозможно, подобное легко объяснить нежеланием добраться до места назначения.

Но это объяснение не подходило.

Обоз с дарами их почти нагнал, ещё пару дней – и обгонит, да вперёд отправится, а Вожак всё тянет и тянет.

Вот и сейчас – до темноты ещё часа три, можно ехать и ехать, ближайшую путевую станцию всего час назад за спиной оставили, а Вожак останавливается, придерживает коня, беспокойно оглядываясь по сторонам.

– Ну, чего опять встали?

Ярый всегда не любил дорогу, поэтому больше обычного бесился, но его никто не слышал. Молодой княжич словно во сне водил головой.

Всеволод прикинул – что слышит Гордей? Чего ищет в воздухе? Его инстинкты сильнее, чем у альфа, нет ли причины опасаться нападения? Но время шло, ничего не менялось, Вожак застыл посреди дороги – столб столбом.

– Сколько мы тут будем торчать на ветру? – не сдержался Ярый.

– Давайте обратно, – решил Всеволод.

Они не так далеко отъехали от последней станции. Нужно вернуться и, наконец, разобраться, что происходит.

– Да какого чёрта мы будем мотаться туда-сюда? – проворчал Ярый, тревожно смотря на Вожака. Слишком тот отстранён, словно не в себе.

– Поехали.

Всеволод развернул коня обратно. Друзья молча присоединились. До таверны они ни о чём не говорили, Всеволод заказал комнаты и ужин в отдельную гостиную.

Даже ел Гордей еле-еле. Сидел, сосредоточено прислушиваясь к тишине. Всеволод прислушался тоже – ничего. Таверна как таверна, люди как люди, во дворе – всё, как всегда. Ни-че-го.

Но он слышит.

– Ярый, водки принеси, – сказал тогда Всеволод. Тот даже крякнул от удивления, но встал, тряся своими лохмами, и пошёл вниз. Вожак перевёл взгляд на Всеволода, да так и замер.

Сидел, пока Ярый не принёс кувшин, пока Всеволод не налил полную кружку и не пододвинул к нему.

– Пей.

Тогда Гордей дёрнул носом, улавливая запах спиртного.

– Зачем?

– А вдруг?

Ярый хмыкнул, удобнее устраиваясь на стуле. Вожак молча протянул руку, опрокинул в себя всё сразу и закашлялся. Из его глаз брызнули слёзы.

Всеволод наклонился и треснул его по спине. Подождал немного и спросил:

– Что с тобой?

Гордей дико взглянул на друга, потом быстро глянул в сторону вещей, где хранилась брачная грамота. Открыл рот. Слова сложились не сразу.

– Не могу я... я не могу жениться.

И поник, ссутулился, с силой провёл по лицу ладонями, словно умывался без воды. Потом вскинул голову, теперь его глаза горели болезненным огнём.

– Я не могу жениться на княжне. Тянет меня в другую сторону, душу рвёт. Не смогу. На совете я был уверен, а сейчас... Будто сердце когтями дерут. Чем дальше, тем глубже. Вначале я думал, может, всё-таки боюсь. Всё-таки не хочу слово исполнять. Но нет, это другое. Я чувствую, как по ранам там, внутри, стекает кровь.

Всеволод и Ярый переглянулись.

– Неужели ты встретил свою душу? – осторожно спросил Всеволод.

Гордей задумчиво покачал головой.

– Я не знаю, не знаю.

– Имей смелость признаться! – вдруг заявил Ярый. – На совете за женитьбу ты горой стоял. За что? Помог бы твой брак или нет, тот еще вопрос. Но душа – это ведь другое. Вот за что надо биться! А ты – не знаю.

Вожак растерянно посмотрел на них.

– Но когда бы... Когда бы я успел?

– Значит, успел! Быстрый ты, однако. Хотя... там времени много и не нужно. Или есть другое объяснение?

Долгое молчание.

– Нет, – Гордей сглотнул. – Другого объяснения у меня нет. Разве может так отчаянно звать что-то другое?

Ярый пожал плечами – мол, мне-то откуда знать?

Лицо Вожака медленно покрывалось красными пятнами. Он почти с ужасом произнёс:

– Беляк... А если бы грамоту вперёд нас послали? Тогда она уже была бы вручена и... я бы сдох раньше, чем в людскую столицу приехал.

– Старый лис, – тут же сообщил Ярый, поднимая ноги и упираясь подошвами сапог в боковину стола. – И как прознал? Вот это нюх!

Решение было только одно, Всеволод сразу сказал:

– Тогда разворачиваемся и едем обратно. Я отправлю гонца навстречу обозу с подарками. Хоть на женитьбе сэкономим.

Гордей ничего не ответил, только вздохнул, тихо, но с таким облегчением, будто с его плеч упала не просто гора, а целый горный хребет.

Всеволод в тот миг подумал, что вовремя они схватились. Что иначе ничего бы Вожак и не сдох по дороге, доехал бы до людской столицы и женился, если бы было надо. И прожил бы сколько-то. А потом... потом наследство всё равно ушло бы вдове.

* * *

Обратная дорога заняла времени в два раза меньше. Всё оттого, что Вожак словно перестал нуждаться во сне и отдыхе и летел стрелой, неотрывно смотря вперёд.

– Эк припустил, – говорил Ярый, когда они до свету выходили с постоялого двора и Гордей уже вскакивал на коня, пока остальные только зевали да двор оглядывали в поисках своих.

– Ну? Чего ждёте? Чем быстрее в Осины приедем, тем быстрее я совету объясню, отчего планы изменились, – торопил Вожак. В его глазах светилась лихорадка, но это был здоровый зов, который не изматывает, а добавляет сил.

– Ага, дело, конечно, в объяснениях, которые ждёт совет, а не в какой-то везучей девушке, – возражал Ярый. Гордей слегка краснел, но взгляда не отводил.

Всеволод не спорил и не лез. Ярый не хуже него знал, что Вожаку очень непросто дастся объяснение с советом, ведь он волей-неволей отказался от своего слова. Да, винить его никто бы не посмел, обретение души – благословение богов, перечить ему не просто глупо, это преступление! Наоборот, Совет порадует, что Вожак нашёл своё счастье.

Однако Гордея всё равно этот невольный отказ изнутри точит. И в бледности, и в крепко сжатых зубах каждый раз проскальзывает его стыд. За то, что не от него зависело. Всеволод, не спрашивая, знал, что тот думает.

О своей недалёковидности, не позволившей сразу понять, что произошло. О ненужном упрямстве,двигающем его дальше по ненужному пути. О том, что обретение произошло так внезапно.

Вожак молчал, но каждая его радостная улыбка, направленная в сторону Тамракских земель, гасла при воспоминании, что они возвращаются, не выполнив слова.

Проходило это только когда в дороге Ярый начинал болтать.

– Невезучий ты, Вожак, хоть тресни. За второй десяток не успел перевалить, а уже ярмо себе на шею вешаешь. От одной только невесты сдыхался каким-то чудом... так нет, новая уже тут как тут, на подходе! Верно старшие говорили, что княжеская судьба не легче любой другой. Теперь точно не сдыхаешься, как пить дать второй раз не повезёт. Бедняга... Тебе бы девок еще портить да портить, в женских домах годами кутить, ан нет, душа объявилась!

Тогда Гордей смотрел в сторону друга, молча и коротко, и Всеволод невольно вздрагивал. Было во взгляде друга нечто неясное, необъяснимое, и Всеволод, считавший себя покровителем, старшим товарищем, повидавшем всё на своём пути, понимал, что здесь он ему не советчик.

* * *

Совет, конечно, уже разъехался, на месте оставался один Беляк. Давно уже звери собирались основать столицу, да место никак не могли выбрать, так и мотались вдоль границы. Оно и к лучшему – теперь самое время столицу строить, лишний раз о своём народе заявить. Надо только, чтобы удобные дороги вокруг были к землям соседей и чтоб к границе не слишком близко.

Пора показать, что звериный народ – не выродки неизвестно от каких родителей, что это отдельная, полноценная и многочисленная раса, ничуть не хуже других.

Нужно было раньше задуматься, но они оказались непозволительно доверчивы и недалёковидны.

Прежде дивы занимались дипломатией, правда, как оказалось, всё больше себя хозяевами да владельцами земель выставляли, а звериный народ упоминали вскользь. Вот и вышло,

что они теперь для всего мира чуть ли не обслуга, которую за ненадобностью хозяева-дивы на старом месте кинули, и не понятно, с чего это обслуга на имущество хозяев зубы точит.

В общем, пока столицу не выбрали, в Осинах было одно из основных мест сбора совета. На первый взгляд – дом как дом, во дворе вечно какие-то парни околачиваются да дерутся за высоким забором. Жители знали, конечно, что к чему, а проезжай мимо чужак – ни за что не догадается!

Беляк вышел встречать Вожака на крыльцо, чему-то криво улыбаясь и кутаясь в халат. Гордей оставил друзей на кухне и, не отдохнув, не перекусив с дороги, сразу отправился к советнику в комнату.

Признаваться было тяжело. Вроде ничего не сделал специально, ни в чём не виноват, а словно обидел кого. Слова как раскалённое железо из горла шли.

Оттого и общение вышло официальным. Стоя, склонив голову, Гордей объяснил причину своего возвращения.

– Вот и славно, – ответил Беляк, сидящий перед ним на стуле. – Я услышал. Теперь расслабься. Хоть у тебя на лице обратное написано, но это добрая весть! Бог с ними, с людьми.

– Я не уверен... полностью не могу утверждать, что причина в душе. Ведь я не знаю точно, я не видел её, а разве так бывает, чтобы звало неизвестно к кому? Потому остаётся вероятность, что я просто...

Советник коротко отмахнулся.

– Не казни себя, Гордей, и не сомневайся в своей силе. Это действительно душа, говорю, потому что сам видел – один мой добрый друг побывал как-то проездом на ярмарке в городе – и покой потерял. Потом волхвы сказали, что бывает, что ты её, душу, саму не видишь, а запах чувствуешь, и этого хватает.

– Я никогда ничего такого не слышал.

– А откуда? Вы молодые, в такое время выросли, когда войной в воздухе пахнет, до подобного ли? А я старше, видел много, мне и ответ держать. Это она, Гордей. Дай-ка я тебя поздравлю.

Беляк поднялся и крепко обнял Вожака, а потом отвернулся, как будто стеснялся собственного лица, и с наигранной радостью заговорил:

– У меня тоже хорошая весть. Горный король признал звериный народ хозяевами Тамракских земель, а твоего отца его законным князем. Подписан договор об общей границе. Они подтвердили наше право на землю.

– Звучит хорошо, но слова у наших соседей часто расходятся с делами.

– Не у горных. Их слово такое же крепкое, как скалы, выбранные ими для своего дома. Кроме того, горным в знак расположения отданы на разработку наши приграничные шахты. Всё равно мы в этом мало смыслим, они будут работать, а доход на двоих делить. Им хорошо, и нам хорошо – если сами под землю полезем, нас там как пить дать завалит! А не завалит – зверь с ума сведёт. Так что с одной проблемой из трёх мы, считай, разобрались. Лесные тоже притормозили, судя по донесениям, у них местные разборки, пробуют монархов нынешних то ли свергнуть, то ли казнить. Но некоторое время им будет не до нас. Остались люди. Тут без изменений.

– А наследство бога?

– Мы с твоим отцом по-прежнему не уверены, что это поможет, – мягко ответил Беляк.

– Ясно.

– Видишь, как всё сложилось? А теперь иди, Гордей, иди. Я вижу, ты устал и проголодался. И больше не думай о слове, которое ты дал. Совет отдаёт его обратно. Никто не решится тебя обвинять – ни прямо, ни за глаза. Не тогда, когда речь идёт о твоей душе. Понимаешь?

– Кажется, да.

– У вас не так много времени, но оно есть. Отправляйся и ищи. Отцу сам скажешь или мне написать?

– Сам.

– Тогда удачи тебе, сынок.

Гордей поклонился и вышел из комнаты, скинув с плеч последнюю тяжесть. Теперь его улыбка была лёгкой и настоящей.

Глава 4. О ленивых мужьях и разных мимо шатающихся незнакомцах

Денёк выдался жаркий. Народу было мало, постояльцы после завтрака большей частью заперлись в комнатах и отдыхали. Детей не было совсем, так что Малинка помогала Глаше по хозяйству. Забегала иногда в магазин – влажные волосы выбились из-под косынки и прилипли ко лбу, на висках капли пота, но сестра довольна, сияет, словно пятак. И откуда силы берёт?

– Хочешь воды?

Несёт мне воду в вытянутых руках. В кухне подвал, куда воду ставят, чтобы охладить, оттуда и бегают.

– Да, спасибо!

Так как я на месте сижу, сил трачу меньше и в отличие от некоторых не похожа на мокрую мышь.

– Фух, жара.

Малинка бережно отдаёт мне воду и снимает косынку, обмахивается ею. Косынки мы надеваем только когда убираемся, чтобы волосы не мешали, так что мои волосы непокрыты и заплетены только наполовину, концы распущены, я, когда скучно, их рассматриваю, хотя ни за что в этом не признаюсь. У сестры волосы ровные и русые, а когда на солнце выгорают, вообще почти белые становятся, очень красиво. А у меня – словно у кошки облезлой, пятнами – то светлые, то русые, рыжеватые пряди тоже попадают. Хорошо хоть тёмного цвета нет, совсем было бы плохо. И всё-таки, отчего они такие странные? У Малинки, как у мамы, один в один. Я свои у отца что ли забрала?

Взгляд плавно перетёк на руку, где запястье обхватывал тонкий плетёный браслет. Сколько себя помню, браслет всегда на запястье был. Мама говорила, это мой талисман. Просила никому не показывать и никому не упоминать лишний раз. И никогда его не снимать.

Он на мои волосы похож, хотя сплетён из кожи. Но таких же оттенков. Когда Малинка родилась и подросла, мама и ей похожий сплела и надела. Это словно наш секрет – один на двоих.

Звонкий голос сестры раздаётся прямо над ухом:

– Скучаешь? Может, местами поменяемся? Я буду стул просиживать, а ты на чердаке уборку делать да на дворе матрасы выбивать?

– Не, мне и тут хорошо.

Тем более я знаю, что Малинка из вредности спрашивает, сидеть на месте ей было бы скучно. В ней столько энергии, что она взвояет, если заставить её стул просиживать.

А мне в самый раз!

И точно – вмиг унеслась, только каблучки по ступенькам застучали.

Тут дверь отворилась, и вошли трое парней, что с Огнием раньше ходили. В этот раз без него. Он придерживался слова и больше ни разу не приходил. И хорошо. Любовь моя неожиданная поутихла, только обиду после себя и оставила. Злопамятная я, совсем не умею прощать. Вначале переживала, что Огния обидела, ведь он первый, кто меня гулять позвал, а потом как-то само вышло, что обида уже на него появилась. Разве можно таким несерьёзным быть? Как будто ему всё равно, что я чувствую. Хотя так и есть – всё равно.

– ...загрыз троих. Говорят, ночью на стоянку напал, спящих сожрал.

– Они чего, так и не проснулись? Но как он успел? Ладно, одного во сне сожрал, а остальные как не проснулись?

– Да откуда мне знать?

– А ты пойдёшь загонять?

– Да. И ты иди, коли не трус.

Я, если честно, боялась, что друзья Огня будут приходиться надо мною потешаться, но их больше занимал разговор. Что-то серьёзное случилось, они купили товар и ушли, даже лишний раз на меня не взглянув.

К вечеру ту же новость рассказала Глаша.

– Оборотень завёлся в лесу, сожрал троих охотников. Теперь мужики пойдут ловить зверюгу. Если людоеда не остановить, он на сладкое человеческое мясо так и повадится ходить, местных жителей жрать! Лютый хищник по соседству – хуже беды не бывает!

Мы переглядываемся.

– Настоящий оборотень?

– Да! С Тамракских земель пришёл, не иначе. С их стороны такие дебри, столько зверья там... да и сами они зверьё самое настоящее!

Хозяйка недовольна. Мнёт тесто для утреннего хлеба с такой злобой, словно бьёт его. Оно и понятно – какие могут быть гости, когда в Вишнянках оборотни народ грызут? Одни убытки.

– А... как это – зверьё самое настоящее? – тихо спрашивает Малинка.

– Вы что, про оборотней никогда не слышали? – у хозяйки аж глаза на лоб полезли.

Мы снова переглядываемся.

– Слышали, что живут такие люди-звери где-то на краю земли.

Глаша фыркает.

– Ага, щас! Если бы на краю! Не, они в Тамракских землях живут, всего-то два дня пути. От нас прямая дорога есть до самих их Осин, город такой торговый. В этом городе одни оборотни и живут.

– Как?! – Не сдерживается и восклицает сестра.

Не смотри, Малинка, я сама толком не поняла. Осины? То есть мы же... Осины же в Тамракских землях. Выходит, мы были среди зверей? Вряд ли вокруг много городов с одинаковым названием на одинаковом расстоянии.

– И что? Оборотни в Осинах живут себе свободно?

– Ну да! Звериный народ. Дикий. Они же на вид как люди, не отличишь, пока не перекинутся и не нападут.

– Но... как же тогда оборотень, который в Вишнянках людей загрыз?

Глаша качает головой.

– Эх, вы, глупые! Ничего-то не знаете! На Тамракских землях дивы жили, да недавно уплыли прочь, нашли какие-то сказочные острова, где никто не будет их беспокоить. Остались после них звери одни, слуги их бывшие. Теперь без присмотра лютуют, людей да скот рвут. Раньше дивы их в узде держали, а теперь некому с ними сладить! Ой, не знаю, что будет, говорят, если совсем сбесятся, Великий князь войска пришлёт их остановить. Тоже не даром, понятное дело.

Что-то не припомню я по дороге из Осин, чтобы кто-то лютовал. Деревни как деревни мимо проплывали, люди в них как люди – спокойные, опрятные, придраться не к чему. Оборотни по лугам не прыгали и скот не жрали. Дети бегали простые, веселые и здоровые, женщины ходили спокойные.

Непонятно.

– Вот и живём, каждый день за жизнь свою да за имущество боимся, – вздыхает хозяйка. – Как пойдут с Тамракских земель разбойники грабить да убивать, мы у них первые на пути будем.

– А они пойдут? – сглатывая, спрашивает Малинка.

– Они же звери! – припечатывает Глаша. – Захотят чего-то взять – и возьмут, никого не спросят.

– А они все что ли, как этот... Ну, людоед?

– Кто их знает, – Глаша недовольно морщится. – Вроде говорят, зверь, если перекинулся и попробовал человеческого мяса, уже назад в человека обратиться не может, навсегда зверем остаётся. А может, всё не так – оборачиваются и жрут, кого хотят, а потом снова в человека – и не скажешь, что людоед перед тобой. Но я думаю, что не могут... Если уж людоед появился поблизости, то не уйдёт, так и будет на четырёх лапах бегать и на людей нападать. После чело-вечинки-то поди на сухари не перейдёшь!

Ой, нехорошо мне что-то. От жары, наверное, сопрела.

И правда, к вечеру в комнате легла, из открытого окна дует, жара отступила – и легче стало. Так и лежала до самой темноты, ни о чём не думала.

Малинка молока принесла с булкой.

– На, ешь. Чего на ужин-то не пришла?

– Что-то неохота есть.

– Ты бледная какая-то. Боишься чего?

– Нет вроде, – подумав, ответила я.

Малинка разделась, забралась в свою кровать. Задула свечу.

– Странно всё-таки это... про оборотня. Слышала? Мы же из Осин ехали – и ничего.

– Угу. Даже в голову не пришло, что там люди другие. Что они вовсе не люди.

– И мне... Как думаешь, оборотней мы встречали?

– Конечно. Как иначе?

– Но раз никакой разницы... раз мы даже не заметили, что они не просто люди – отчего Глаша так их боится?

– Не знаю я.

– Странно это все.

– Угу.

Малинка вздохнула и, наконец, отстала.

Ко мне сон долго не шел. Почему я не удивлена, что оборотни на самом деле есть? Просто мы не слышали, а так... раз колдуны есть, и чернокнижники, и лесные со своими завораживающими песнями, и горные, живущие поз землёй и в горе... отчего бы и оборотням не быть?

На рассвете, как мы после узнали, окрестные мужчины собрались и пошли оборотня загонять, но того, как говорят, и след простыл! Весь день ходили кругами, вернулись несолоно хлебавши, уставшие и злые.

Тогда же староста Вишнянок и запретил по темноте женщинам и детям из дома выходить.

* * *

С дальней дороги бы отдохнуть, да ещё после плотного ужина, но Гордей не сидит на месте. Берёт куртку с вешалки, вынимает кинжалы, чтобы сунуть за пояс.

– Вы со мной?

– Чего тебя в ночь несёт? – бурчит Ярый, но самому интересно, что дальше, поэтому, несмотря на слова, и он спешно достаёт свои кинжалы. Конечно, без верхней одежды плохо, оружие увидит всякий встречный, но лучше, чем в душной куртке париться.

– Веди. – Гудит Всеволод, как только они выходят на улицу. Гордей закрывает глаза и стоит, пригнувшись, его веки дрожат, а губы что-то шепчут.

– Может, разбудишь, когда надумаешь? – зеваёт Ярый. Судя по слипающимся глазам, он действительно хочет спать, но уходить ему никто не предлагает. Гордей задумчиво делает первый, не очень уверенный шаг, потом второй – и они идут. По улицам он сворачивает то туда, то обратно, возвращается из переулков и кружит вокруг домов. Время идёт, Гордей хмурится всё больше.

– Мы, кстати, тут проходили, – Ярый указывает на приметный забор. – И не раз.

– Вижу, – коротко отвечает Гордей.

– Так что? Где она? Или ты не чувствуешь?

– Похоже, нет.

Гордей идёт дальше, но уже неуверенно, как ноги несут.

– Сосредоточься и вспомни, когда впервые ты почувствовал, что не на месте, – советует Всеволод, пытаясь вспомнить что-нибудь полезное, что поможет поискам. Но ничего не вспоминается. Душу редко кто находит, поэтому и советов мало.

– Не помню. Не могу объяснить. Кто она, где? Не знаю. Просто чувствую зов, а куда, не пойму.

– Может, она не в Осинах?

Гордей резко тормозит, поднимая к другу лицо. Кажется, он не подумал, что душа могла быть в другом месте.

– Но я почувствовал это здесь, в Осинах.

– Давай подумаем.

Ярый кривится и отворачивается, всем своим видом выражая нежелание думать. Это, действительно, не по его части.

Гордей тоже оборачивается. Долго смотрит куда-то вдаль, не меняясь в лице. Этот взгляд как заколдованный, куда-то тянется... конечно, Всеволод решает проверить, что так заинтересовало Вожака.

Таверна. Та околица, где они уже были... были перед выездом. Точно так стояли на дороге, изучая окрестности.

– Ну, я тупая скотина! – стонет Всеволод, хлопая себя по лбу. – Осёл! Как я мог не понять?

– Что? – тут же подходит Ярый.

Всеволод прищурился, вспоминая.

– Девчонки, сёстры, которых я привёл в эту гостиницу. Гордей, ты сюда приходил в ночь перед отъездом. В то время, когда тебе было плохо, в то самое время, когда у своей души ищут утешения. И сейчас пришёл. Ших мне ещё в лесу говорил – путь у одной из них. Такой, что даже по петле прошла. Путь её ведёт. И просил приглядеть. А я, дурень, всё хотел свалить на Шихова друга, чтобы самому не морочиться, времени не тратить.

Он недовольно покачал головой.

– Как я не подумал? И ты тогда пришёл и стоял здесь, с места не двигаясь, в стену смотрел. Там две сестры – человек и рысь.

– Рысь? – Гордей словно очнулся, услышав только конец речи. Повторил мечтательно. – Рысь...

– Рысь, – хмыкнул Ярый. – Повезло! А это точно она?

Оба уставились на Всеволода, будто тот всё на свете знает. Впрочем, сам виноват, нечего было себя изначально умником ставить. Это случилось несколько лет назад. Было Всеволоду двадцать, когда он заслужил звание альфы и познакомился с будущим Вожаком и его другом. Подростки... Как альфа, он относился к ним именно так – как к подросткам, что жизни толком не видели. Каким образом вышло, что они сдружились и теперь всегда были вместе? Всеволод не мог объяснить. По привычке вёл себя как старший и опытный, но... его друг вскоре женится, а сам Всеволод до сих пор бесплодный. Его друг два месяца, как полноценный Вожак, будущий князь Тамрацких земель, а он всё так же его альфа. Да и Ярый не отстаёт – из тонкого мальчишки стал одним из самых сильных воинов, догнав самого Всеволода.

Те подростки давно выросли.

Всеволод потрянул головой. Ненужные это мысли сейчас. Вожак, хоть вопроса и не задавал, ждёт ответа.

– Не знаю, она или нет. Но проверим? Схожу, поинтересуюсь, куда сёстры устроились, и навестим. Всё лучше, чем кругами ходить да невесть что искать.

Дождавшись кивка Гордея, Всеволод отправился в таверну. Вернулся спустя несколько минут с поникшей головой.

– Ну? – первым спросил Ярый.

– Они уехали.

– Что?!

– Уехали на следующий же день с обозом до Вишнянок на человеческих землях. А оттуда... бог знает, куда делись.

– Ты же говорил... – Ярый запнулся, так как не вспомнил, что тот говорил.

– Кто же знал, что они дальше поедут! Мы два дня по лесу шли – они ни словом не обмолвились. Наоборот, вот приедем, мечтали, вот устроимся, вот в баню, наконец-то,ходим.

– Ничего. Утром поедем в Вишнянки, – Гордей в который раз оглянулся на таверну. – Может, они там остались.

– Вот что зато мне дали. Оставили сёстры, – Всеволод вынул из кармана кусок верёвки. – Хозяин не помнит точно, кто из двух, но помогли ему, подвязали куст во дворе. Этим.

Гордей взял верёвку и поднёс к носу. Сделал медленный, глубокий вдох.

А потом словно сложился пополам. Ярый напряг мышцы, вглядываясь в темноту, но тут же понял, что это не нападение. Просто Вожак слегка потерял контроль. Теперь он сидел на земле, уронив голову и качаясь, как пьяный.

– Рысь... – слышался еле различимый шёпот. – Это рысь.

– Ну, хоть точно узнали. – Ярый расслабился, сунул кинжалы обратно в ножны. – Пошли, что ли? Чего на голой земле сидеть.

Гордей молча поднялся, размял плечи и вздохнул. Всеволод развернулся и пошёл по дороге первым.

– Всеволод. Какая она? – спросил Гордей чуть погодя. Вокруг было уже темно, даже волчий взгляд видел не так ясно, как днём. Однако жажду в глазах друга Всеволод прекрасно разглядел. Пожал плечами.

– Рысь как рысь. Я ничего... такого не увидел, сам понимаешь. Маленькая, худенькая, злющая. В мужских штанах и рубахе, им дед Ших одолжил, своей одежды потому что у них не было. Так что вряд ли сильно балованная. Волосы в косу заплетены, как у всех деревенских. Шипит, как кошка дикая.

– Хороший знак, – похабным тоном сообщил Ярый, но его никто не услышал.

– В общем, обычная, – повторил Всеволод. – Я больше вторую запомнил. Столько света в глазах. Жаль только... маленькая ещё.

* * *

Оборотня ловили три дня – и ничего. Глаша ходила злющая, постояльцы то и дело убывали, а новых нет как нет! Фадей так вообще из комнат не высовывался, притворялся, что ногу подвернул и шагу ступить не может, потому и на охоте пользы от него не будет. А когда всё-таки вышел на кухню, так старательно хромал, что сразу стало понятно – никакого актёрского мастерства! Я бы и то лучше притворилась.

Тем днём как раз нужно было половики из гостевых комнат выбивать. Все этим и занимались – в комнате или коридоре скатываешь половику с пола в рулет и тащишь на двор, где с чьей-нибудь помощью затаскиваешь на деревянный брус, а потом обливаешь его мыльной водой и бьёшь колотушкой.

Ох и мутное это занятие, как оказалось! Я, Малинка, Глаша, помощница с кухни и дворовой мальчишка Прутька почти сразу стали выглядеть словно нечисть. Взмокшие, в пыли,

у Малинки прямо посреди лба грязный след от пальцев, которыми она пот вытирала, а мальчишка так вообще, словно кот пятнистый, и грязных пятен куда больше чистых.

Когда мы стащили третий большой половик из коридора, Глаша бросила колотушку на землю и завопила:

– Ожега, а ну иди и скажи этому бирюку, что, если он не станет нам помогать сей же час, я его из дома выгоню! Так и скажи. Ишь, болеет он, а я тут вкалываю, семь потов сходит! Иди!

Схожу, что мне, сложно? Как раз воды выпью, от духоты голова кругом.

Фадей сидел в магазине, в тени, потягивал прохладный квас из большой кружки, рядом стояло блюдо с солёными сухариками. Рубашка на нём тонкая, на груди распахнутая, чтобы не сопреть. Да, Глаша бы его сейчас точно прибила, если б увидела. Той самой колотушкой, что половики бьёт.

– Чего там вопли во дворе? – деловито спрашивает Фадей, покачиваясь на стуле. – Кричали вроде?

– Ага, кричали. Хозяйка велела вам немедленно идти помогать.

– Мне?

– Вам!

За ним на стене висело зеркало. Да уж, смешно я выгляжу – старое голубое платье, рукава по локоть закатаны, глаза сверкают, косынка повязана криво, но, чтобы поправить, придётся волосы распускать, а это умываться, расчесываться... сейчас с последним половиком разберёмся, перерыв сделаю и займусь.

– Ну чего бы ей не оставить меня в покое, – морщится хозяин. – Я же болен.

– Знаете что! Сами разбирайтесь. Мне велели вам передать, чтобы бы вы немедленно шли помогать, иначе хозяйка вас из дому погонит! Слово в слово! Я передала!

Фадей слегка отклонился, смотрит с удивлением. Кажется, я слегка повысила голос. Или не слегка.

– Ну ладно, ладно, чего ты... Схожу.

Он встал, неуверенно шагая в сторону двери, что на улицу ведёт. Наверно, хочет по улице обойти, чтобы все соседи видели, как бедного калеку жена работать заставляет.

Открыл дверь и робко взглянул на меня.

– Идти?

– Да! Немедленно идите и помогайте! Иначе я не знаю, что хозяйка с вами сделает! Я тоже сейчас буду, только магазин запру, всё равно в такую жару никто не придёт. А придут – крикнут во двор. Ну? Идите!

Фадей вздрогнул и обречённо шагнул на улицу, весь поникший и сутулый, но в дверях с кем-то столкнулся.

Не хочет идти, любой возможностью отлынивать от работы пользуется! Какой упрямый! Вернее, вот лентяй! Ну, я ему сейчас всё скажу!

– Извините.

Голос мужской. Я отчего-то сглотнула и промолчала.

Так, кажется, у нас покупатели. Фадей посторонился и вышел, бочком-бочком отправился помогать-таки жене.

Покупателей было двое. Они вошли медленно, настороженно, неслышно ступая. Странно как одеты – кожаные жилеты поверх рубах с коротким рукавом, такие же кожаные штаны, толстые ботинки. Кинжалы за поясами, как у разбойников каких-то. Внешне друг на друга похожи, черноглазые и черноволосые. Только тот, что впереди, вдруг принялся так мило улыбаться, что я даже оглянулась – что тут такого чудного в нашем магазинчике?

Чёрт, нельзя же так неожиданно заявляться! От страха аж сердце зашло. Парни при параде, хотя и с дороги. И защититься могут, раз с оружием ходить не боятся.

А я как... как после уборки. И чего им было не прийти двумя минутами позже? Я бы уже магазин закрыла и во двор ушла, так что на зов вышел бы кто-то другой.

Раньше я их не видела. Проездом, что ли? Стоят, молчат, этот, впереди, улыбается всё шире, счастье такое на лице написано, будто на небеса попал. Белки глаз на загорелом лице так и сверкают.

Потом он... вздохнул. Так, будто до этого вовсе не дышал.

Я снова сглотнула. Что-то нервы расшалились.

Что за покупатели странные? И покупатели ли вообще?

– Ну? – не сдержалась я. – Чего надо?

– Ты смотри-ка. И правда, дикая, злая, темпераментная р... – заговорил второй, тот, что дальше стоял.

– А ну тихо! – его толкнул ещё один парень, зашедший с улицы. Что-то его лицо какое-то...

– Здравствуй, Ожега.

– Всеволод?!

Бритый и стриженный. Ну точно он! Да уж, если бы не голос, я бы ни за что не узнала – совсем другое лицо. Был мужчина в годах – стал молодой симпатичный парень. На такого глянешь и понятно становится, с чего сестра в него влюбляться вздумала.

– Да, я. А это друзья мои – Ярый и Гордей.

Гордей, значит. Глаза невольно вернулись к первому. Почему он как идиот улыбается? Почему почти не дышит? Больной, может?

– Далеко вы, девчонки, забрались, – Всеволод отодвинул Ярого и прошёл вперёд, оглядывая магазинчик. В деревянном помещении все стены были увешаны полками, на которых лежит разная всячина.

– А что, нельзя?

– Да не ругайся ты, просто сказал. Я думал, вы в Осинах осесть собирались.

– Может, и собирались, да передумали. А что?

– Да ничего.

– И чего вы тут делаете?

Подозрительно как-то. Откуда тут Всеволод? Хотя, с другой стороны, старые люди говорят, совпадения и похлеще бывают, жизнь, говорят, так складывается, что подобного никакой сказочник не выдумает. Да и преследовать нас... зачем ему? В Осинах бросил себе да пошёл по своим делам, и даже на Малинку не оглянулся.

С мыслей меня сбили слова:

– Разве тут не сдаются комнаты? На заборе объявление. Мы хотим снять жильё.

Голос у Гордея... какой-то необычный. Будто я его слышала раньше, и не раз. И рвётся из памяти... впустую, потому что не было этого голоса прежде! Не могла я его слышать!

Но что-то большее в нём. Вопрос или даже... просьба.

Соберись, Ожега! Что ты пугаешься, будто людей впервые увидела? Что тебе мерещится? Голос как голос!

– Я... сейчас хозяйку позову.

– Стой!

Теперь Гордей не попросил, а приказал, да не на ту напали! Я ничего не слышу, ну, вот ни слова не слыхала!

Я уже со всех ног бежала во двор, позабыв, что нельзя при покупателях оставлять магазин – вдруг украдут чего и сбегут. С другой стороны – заселением Глаша всегда лично занимается, должна же я ей сообщить о новых постояльцах, которые ждут. Пусть сама с ними разбирается. Только, выходит, они будут тут жить?

Аж передёрнуло от озноба. Будут тут жить, завтракать и обедать, ходить вокруг... и что? Откуда столько внимания обычным постояльцам? Не первый раз у нас останавливаются молодые красивые парни. Не первый раз они мне улыбаются. Ну, проживут немного да уедут, хватит паниковать! Это только оттого, что меня в таком виде несуразном застали, прямо во время уборки. Но кто же знал?

Фадей, оказывается, до места дошёл, однако половик поднимать не спешил, присел на скамейку отдохнуть.

Глаша, стоило ей услышать про постояльцев, подобрела и бегом в магазин бросилась. Дела после появления оборотня-людоеда шли не очень, так что её даже не смутило, что приехало трое молодых одиноких парней, хотя в обычное время она предпочитала постояльцев взрослых и семейных.

А может, кстати, и эти семейные, кто знает?

Я трянула головой. Дурь какая-то в мыслях. Семейные, нет, какое мне дело?

И да, я же Малинке не сказала!

– Среди постояльцев Всеволод, – прошептала ей на ухо, чтобы Фадей не слышал.

Потемневшие глаза распахнулись широко-широко, в них задрожали облака.

– Да? Почему сразу не сказала?!

Толку было шептать, если она так орёт?

– Не кричи. Не стоит хозяйке об этом знать.

Малинка сникла, но спорить не стала. Глаша очень ревностно следила за репутацией своей гостиницы, пойдут о нас дурные слухи – мигом на улице окажемся. А знакомство со странным чужаком приятной наружности сразу перевернут во что-то неприличное.

Мы вдвоём заволокли половик на перекладину, пока Фадей стонал, пялясь на бегающих вокруг кур, и пошли за водой. Вскоре вернулась довольная хозяйка, значит, сговорилась с постояльцами.

– Давайте, этот половик домываем, на просушку его, и хватит на сегодня. На днях продолжим. Ты, милый, иди, отдыхай, нечего больную ногу тревожить, а вечером вкусенького тебе приготовлю.

Она улыбнулась Фадею и чуть-чуть покраснела.

Что тут скажешь? Стоило его заставлять что-то делать, если тут же сама передумала и от своего слова отказалась? Кажется, Глаша себе такого мужа и воспитала ленивого! Пусть теперь не жалуется!

Мы с Малинкой доскребли и добили половик, залили его водой, повесили на солнце и пошли умываться. Как раз обедать время пришло, а после обеда Глаша мне велела в магазин идти, а Малинке на кухню.

Хорошо, что вход в хозяйские комнаты, одну из которых нам отдали, не там расположен, где постояльцы живут. У них отдельная парадная лестница с половиками и светильниками на стенах, у нас – простая деревянная, зато на посторонних каждый день не натыкаешься.

И вот после обеда сижу я в магазине, скучаю. Народу нет, конечно, я же говорила, по такой жаре никто не придёт, кому охота в душной пыли тащиться за покупками? Вот вечером, по прохладе...

Дверь скрипнула, словно всем моим мыслям назло.

Этот... Гордей который.

Смазливый. Улыбка светится, разворот широких плеч уверенный, поза – словно он король. Ну один в один Огний, когда заявлялся себя показать. Тот разве что не улыбался так, словно последние мозги по дороге растерял.

– Привет.

Ну, я теперь тоже не на пугало похожа, стыдиться нечего.

– И тебе не хворать. За каким товаром пришёл?

После секундной заминки – чёрные глаза недоумённо таращатся – он смеётся.

– Надо же... За каким, спрашиваешь, товаром? А у вас самих себя сватают?

– Чего?

Не поняла я ничего.

– Так, навеяло... вспомнилось, как у вас принято. Когда за невестой сватов посылают, те как раз говорят «за товаром пришёл».

– И что?

Он улыбается ещё шире, хотя, кажется, куда уж? Опускает ресницы, они у него длинные, чёрные.

– Да так, в голову пришло.

– Ты будешь покупать или нет?

Судя по лицу, он некоторое время сдерживается, но всё же снова смеётся.

– Буду.

– Что?

– Может, невесту. Как думаешь, стоит?

– Да что ты несёшь?!

Солнце, что ли, голову напекло?

Но он молчит, медленно подходит ближе. Половицы тихо скрипят. Даже не переоделся, кожей пропах. Волосы цвета вороного крыла закрывают ему лоб, сходятся позади в хвосте. Я никогда такой густой черноты не видела...

А потом он... опирается рукой на прилавок, перепрыгивает через него и оказывается напротив. Приходится задирать голову – оказывается, он выше. Не знаю, от чего я опешила больше – от прыжка, как будто на это никаких усилий не нужно, или от наглости – без спросу за прилавок лезет!

И главное – стоит в проходе. А как только путь тебе перегораживают, известное дело, сразу хочется уйти. Пойду позову Глашу, пусть сама со своими подозрительными постояльцами разбирается.

Я влево – и он туда же, я вправо – он уже тут дорогу перекрывает. Пришлось остановиться и перейти к словам.

– Думаешь, поймалась?

– Думаю, да, – уверенно отвечает он. – Думаешь, сбежишь?

– Думаю, да.

Однако не удалось – стоило сделать шаг в сторону, как он тут же перегораживал и без того узкий проход. Вроде почти не шевелился, но так быстро перемещался из стороны в сторону, что жутковато становилось. Ведь если он решит не просто путь преграждать, а, к примеру, руки приложить, куда не следует, я, наверное, и не замечу, пока поздно не станет.

– Чего ты пристал?! – возмутилась я.

– Как чего? Может, я хочу с тобой познакомиться.

– Познакомились мы уже! Всеволод нас познакомил.

– Значит, я хочу с тобой поговорить.

– А я не хочу!

– Почему?

Я так рассердилась, что слов не нашла.

– Я тебе не нравлюсь? – спокойно улыбаясь, спрашивает он.

Ну, конечно! Стоит весь такой ладный да красивый, зубами белыми сверкает, плечами широкими поводит, думает, ему никто не откажет. Как Огний, черти его дер!

Раньше, может, так и было, но хватит с меня смазливых зазнаек! С чего это внимание такое – первый раз увидал и давай улыбками светить да душу нараспашку открывать. Только, если что недоброе задумал. Сейчас и проверим!

– А что? Зачем тебе со мной говорить? Дурацкие вопросы спрашивать? Нравишься, не нравишься, какое дело? Жениться, может, на мне собрался?

Думала, поостынет-то пыл, однако он почти перестал улыбаться и до нелепого серьёзно ответил:

– Может быть.

Ну, всё, отступать неприятно, конечно, но это перебор. Сердце стучит как бешенное, а после его слов ещё и заныло, как будто оцарапал его кто когтями. Придётся отступать обратно, за спиной дверь в подсобку, а там – наружу.

Пусть Глаша сама с ними разбирается!

* * *

Когда Гордей вернулся, вид у него был слегка растерянный.

Ярый возлежал на кровати, заложив руки за голову и раскинув ноги, с которых так и не удосужился снять ботинки, а Всеволод делом занимался – точил кинжал.

– Сбежала? – лениво спросил Ярый, поняв всё с одного взгляда.

Гордей недовольно поморщился и промолчал.

– Точно! – фыркнул Ярый. – Предупреждали ведь. Говорили, не лезь напором, погоди. Ну, ты и спец по женским сердцам! То столбом стоишь, как безумный зенки пялишь, будто вот-вот бросишься. Я понимаю, конечно, наконец-то ее живьём увидеть – на расстоянии протянутой руки. Столько искать, по следу как бешеная псина без сна и отдыха бежать – а она и не знает, что теперь с тобой связана. Должно быть, дикое чувство?

– Ещё какое.

– Так думать же нужно! Ты сам тут полчаса очухивался, в себя приходил, а потом что?

– Что?

– Вместо того, чтобы план какой разработать, как осторожно, невзначай с ней познакомиться, учитывая ситуацию – речь о суженой, не абы какая девка, ты напролом лезешь!

– Перестань!

– Напугал, должно быть девицу своим жарким натиском. Она ж не знает, что рысь, и про душу не знает. Любая на её месте бы испугалась.

– Ну, предположим, не любая.

– Сравнил! Бойкие вдовицы, жадные до молодых мужских тел, и дикарка, что по петле прошла и не заметила.

– Молчи!

– Или она того... Тоже жадная до молодых мужских тел? Рысь как-никак.

– Смотри, не замолчишь – в ухо дам.

Ярый вытаращился и окая, протянул:

– Да ну? А любовь как же? Любовь глаза, что О ли, не застлала?

Гордей с места прыгнул на Ярого, и потасовка началась. Всеволод только шурился да следил, чтобы не сломали чего. А так пусть развлекаются, кровь гоняют.

Через несколько минут оба уже хохотали, свалившись на пол.

– Ну, что скажешь? – спросил тогда Всеволод.

– Да не знаю, – Гордей задумчиво почесал в затылке. – Чего-то она дикая совсем. Бросается, будто я уже обидел чем. А мы даже не знакомы толком.

– Р-рысь, одним словом...

– Молчи, Ярый! Это она?

– Это она. И знаете, что? – Гордей откинулся на спину, раскинув руки, и с блаженной улыбкой установился в потолок. – Я счастлив...

– Вот как.

И они замолчали, будто сказать было больше нечего.

Не к месту Всеволод подумал о её сестре. Такой же юной, как его собственная. Такой же красивой. И почему-то понял, что рад. Рад тому, что невестой Вожака оказалась именно рысь.

Глава 5. О хождении кругами

День с утра не задался.

Вначале глаза еле продрала, потому что ночью сон не шёл. Бывает такое, не пойми с чего. Ворочаешься с бока на бок, а мысли всё тревожные в голову лезут, пугают, хотя казалось, откуда им взяться? Всё же чудно складывается! Отчим про нас ни слухом ни духом, никак ему нас не найти! И может вовсе искать не станет, вдруг и правда те... княжеские воины не за нами охотились. Смешно? Да, но так охота верить!

И лето впереди, душистые парные дожди да тёплая река. И работа хорошая. И здоровы мы. Так отчего же?

– Ты чего расселась?

– А?

Малинка строит напротив, скосив глаза.

– Чего сидишь, в окно уставилась? И сколько можно косу переплетать? Пятый раз уже! Расплетёт и чешет, и снова заплетёт, и снова расплетёт! А платье ты сколько раз поправляла? Красивая, красивая, пошли уже!

– Я? К чему это ты?

Разве я косу переплетала? Один раз с утра делаю.

– Уж не знаю, к чему ты с утра прихорашиваешься! Или к кому.

– Да ты что выдумываешь-то?

– Да чего выдумывать? Это ты как в тумане бродишь и всё прихорашиваешься.

– Тьфу на тебя!

О чём тут спорить? Малинке с утра примерещилось, не переубедишь. Лучше не тратить время понапрасну, она же как ослица упрямая, будет на своём стоять!

Лучше пойду работать, хозяйка опозданий не терпит.

Позавтракали мы с сестрой и по разные стороны разошлись. Иду я к магазину, а внутри словно что-то гложет, покою не даёт.

И надо же! Как я и думала... вернее, не то чтобы нарочно думала, но отчего-то вовсе не удивилась!

Стоит у закрытой двери Гордей, весь такой терпеливый, послушный, с ноги на ногу переминается. Свежий, здоровый, сила прям через край хлещет. В льняной рубаше с набивным рисунком, а пояс у него странный, как будто из кожаных верёвок. Без вышивки, конечно.

Вот как чувствовала!

Однако у магазина стоит, значит, покупатель. Если хозяйка узнает, что я на покупателя кричала, устроит выволочку будь здоров! Рисковать нельзя.

– Доброе утро.

Видимо, вышло не очень. Он смотрит так, будто ждёт, что я вот-вот на него наброшусь с кулаками и криками.

– Доброе утро, Жгучка. Как спалось?

Ну и вопросы! Отвечать я, понятное дело, не собираюсь, не обязана. Молча отпираю дверь.

Он шумно сипит за спиной, потом словно решается.

– Слушай... извини за вчерашнее, я вёл себя... не знаю, в общем, почему, с дороги может устал, но вёл как последний дурак.

Это точно! Первым делом хотелось расхохотаться ему в лицо злодейским хохотом, но я сдержалась. И не сказала ничего, это только беседу подтолкнёт, а он и без того слишком по-свойски обращается, хотя знакомы мы без году неделя.

Так, дверь открыта, ещё ставни убрать, чтобы светло было. Это несложно, только мороки много – занавеску отодвинуть, поднять деревянный штырь вверх, закрепить в деревянном кольце. Теперь второе, третье окно и, наконец, отпереть дверь, что на улицу ведёт.

Теперь за прилавок вернуться и ждать. Покупатели, они любят, чтобы их ждали и радовались им, как первым подснежникам, вылезшим из-под сугробов.

Только этот вот какой-то странный покупатель.

Хоть бы он ушёл уже!

Нет, стоит ждёт чего-то.

Ну вот, за прилавком как-то спокойней, я тут не просто так нахожусь, а по делу. А о вчерашнем лучше и не думать. Пусть только попробует заново такое проделать!

А смотрите-ка, не лезет. Только подходит и спрашивает неуверенно.

– Ну, так что... ты не сердисься?

– Нет.

– Правда?

– Нет, сказала!

– А звучит так, будто сердисься.

Ну прямо как с Малинкой с пустого в порожнее часами переливать можно.

– Ты в магазин чего пришёл? Товар предложенный покупать или языком молотить?

«Предложенный» это я специально уточнила, чтобы вчерашнего не повторилось, потому что больше «предложенного» ему никто не предлагал! Даже не хочу думать, что это было вчера такое!

Он и глазом не моргнул.

– Да, да, я за покупками пришёл. Мне многое нужно купить. Осмотрюсь тут пока.

И давай ходить, полки рассматривать. И так встанет, голову повернёт, и эдак, будто перед девицами у колодца прохаживается. Василь, помню, так со мной и познакомился – вначале ходил вокруг журавлём, а после, убедившись, что я его хорошенько рассмотрела, подошёл.

Хотя я плохо уже помню Василя. И даже обиды на него не держу, если совсем начистоту. Помню только свой восторг, когда такой ладный парень на меня посмотрел и слово доброе сказал. И как сердце вскачь пустилось.

Но то было в первый раз, когда что-то впервые случается, всегда по-особому переживаешь. С тех пор и времени прошло... Так отчего же сейчас сердце стучит? Вот глупое!

Ладно, подождём.

Села я на стул, рукой голову подперла и давай ждать. Ходит Гордей, товар осматривает внимательно, с интересом. Время от времени хмыкает.

Чего он тут забыл? Вроде по важным делам в Вишнянки явились, а он время тратит. Хотя, по приезду многим нужны мелочи всякие, которые с собой не повезёшь и их купить проще.

Потом с улицы зашла покупательница, взяла сахару малый мешок и пряный засольный камень.

Ушла она, я дальше слежу. Ходит и ходит, и как ему не надоест?

– Может, помочь, подсказать чего?

Ладно, не сдержалась я, признаю. Но хозяйка учила, если покупатель сам не знает, чего ищет, спроси и помоги. И побольше, побольше ему советуй.

– Помоги, отчего бы и нет.

Тут как тут, у прилавка уже стоит, улыбается.

– Что делать хочешь?

– Э?..

Он так забавно на меня вылупился, будто я ему руку и сердце предложила.

Я закатила глаза к потолку.

– Для какого дела тебе нужно?

– А, – он очнулся. – Копать.

– Копать? Что копать?

Ответ озадачил. Они приехали чёрти откуда, чтобы копать?

Молчит, глаза так и бегают. Врёт, может? А, не моё дело.

– Лопата тебе нужна.

Взгляд непонимающий.

– Ну, чтобы копать, нужна лопата. Так?

– А, ну да.

И снова улыбка до ушей, как будто ему не лопату предложили, а исполнение всех желаний.

Блаженный, может? Те как раз скалятся всегда – хоть солнце, хоть снег и дождь, а им всё одно. Бывает же, что на вид всем хорош, а на голову слегка придурковатый?

Я аж подобрела отчего-то при этой мысли.

– Лопаты вон в углу стоят, выбирай, какая нравится, и плати, цена на древке написана.

Они из разного метала и дерева, есть тяжелей, есть легче, в руке попробуй.

Он и правда притаскивает лопату, хотя я видела, что первую попавшуюся взял и даже не взвешивал!

– Вот, две серебрушки плати.

Показываю ему на цифры, чтобы сверил, а он опять на меня смотрит и ничего не видит.

– Эй! Плати две серебрушки и забирай лопату!

Снова очнулся.

– Э... Мне не только лопата нужна.

– А что ещё?

– Я посмотрю пока. А за лопату на, держи.

Вынул из кошелька, к поясу привязанного, две серебрушки, отдал мне и давай дальше ходить, круги наворачивать. Правда, теперь то и дело спрашивал, что это и зачем, будто впервые видел. На рыболовные снасти так вообще уставился, словно младенец на погремушку.

Вначале я правда думала, что он поизмываться пришёл, поизводить да нервы попортить. Ну... думала бы, не плати он деньги. Но за утро он столько товара скупил, что и не каждые выходные столько удавалось продать. Кто ж станет ради дурной шутки столько денег тратить?

В общем, уже ближе к обеду Гордей собрал две корзины всякой всячины, одну отнёс, за второй вернулся, рыболовную сеть на шею повесил, потому что в корзину не лезла, и потащил покупки к себе в комнату. За лопатой обещался позже зайти.

И вот время к обеду, уже магазин пора закрывать, я с нетерпением жду, когда уйдут две девчонки соседские, которые всё никак не решат, какую краску лучше взять – красную или синюю... как входит Гордей!

Отправила я девчонок, только и мечтаю, как бы поесть, в животе урчит, а он снова у прилавка стоит и улыбается.

– Ты за лопатой?

– Ага.

– Забирай, вот она стоит.

Прям на том же месте, где ты её оставил!

– Да я вижу.

И тут, конечно, в самый неудачный момент в животе урчит! Да ещё и на весь магазин! Вот невезение.

Гордей, однако, услышал, на миг задумался и заявил:

– Ладно, иди обедай. После зайду.

И ушёл с лопатой со своей. А я чуть не вскипела. Что значит после? Он снова приходит собрался? Бродить по магазину и мешать мне работать своими взглядами да вопросами не к месту? Не знаю, что он там задумал, но от его улыбки оторопь берёт!

Всё, хватит с меня!

Пришлось после обеда идти к Глаше и просить дать другую работу по дому. Пока эти новые постояльцы не уберутся, лучше пережду в стороне.

– А чего это ты вдруг? – всполошилась хозяйка. – Случилось что?

– Нет, что вы! Малинка просто хотела в магазине посидеть, а то всё я да я.

Признаваться не хотелось. Вначале хотелось, конечно, но я подумала – вдруг Глаша решит, будто я сама повод давала? Иначе как объяснить, что сюда парни зачастили? То Огний, то деревенские, то эти вот, пришлые. Гордей полдня в магазине торчит! С чего, если я не приваживала? Хозяйка первым делом на меня подумает. У нас вот было, чуть что про какую девку начнут болтать гадости или случится с ней чего плохого, так бабы сразу наперебой: «а нечего было такой распомаженной ходить» да «как хвостом вертеть, так она на деревне первая, а как прижало, гляньте, скромница какая, не хотела она!» Ну и так далее.

– Ну ладно, поменяйтесь с сестрой, пока детей маленьких нет, по очереди будете торговать. С детьми у неё больно хорошо выходит сидеть, а в магазине любой справится. И не забудь – к вечеру из дальней комнаты съезжают, нужно будет сразу убрать.

– Да, хорошо.

– До вечера на кухню иди, там помогай. Малинка бельё шила, но оно подождёт.

– Хорошо. А... эти новые постояльцы – на сколько они заехали?

– На что тебе? – Глаша насупилась, но тут же оттаяла. – А, про уборку договориться? Не бойся, я сама буду тебе передавать, где убрать нужно. С постояльцами не разговаривай, особенно с парнями, знаю я, как в некоторых трактирах девушек обижают! А у меня приличное место, я их сразу выселю, если надумают приставать! Чуть что – говори. Слышала?

– Конечно, – уверенно кивнула я. – Сразу скажу. Так они надолго?

– На пять дней.

Немало. Но могло быть и хуже. Пять дней как-нибудь выкручусь.

– Пока. А потом будет зависеть от дел, по которым они прибыли. Скорее всего, дольше задержатся, – добавила Глаша.

Я быстрее ушла, с трудом сдерживаясь от выкриков вроде «что за невезение!», «какого чёрта они тут вообще забыли!» и тому подобного. Чего шуметь, от моего крика ничего не изменится.

На кухне дел было, как всегда, немерено. Кухарка у нас не болтливая, даже угрюмая, сама себе под нос что-то бурчит, но зато не требуется одновременно десять дел делать.

Уже ближе к вечеру я выбрала минутку, чтобы навестить Малинку. Шла к ней с такими предосторожностями, словно из-за любого угла может оборотень-людоед выскочить и меня сожрать. Перед тем, как в магазинчик зайти, я выглянула из-за угла. Фух, покупателей нет, пусто, только Малинка сидит на стуле, качая ногой, и со скуки смотрит в окошко, в которое всё равно ничего не видно из-за пышных занавесок.

Как-то прямо стыдно стало, что я к собственной сестре подкрадываюсь, и я решила заявить о себе громко.

– Кхе, кхе!

Она подскочила, глаза круглые, но тут же сжала губы и скуксилась.

– А, это ты.

– Я. А ты кого ждала?

– Никого.

Но чувствую – врёт, паршивка!

– Как же, никого! Бабушке моей расскажи, что никого!

– А у нас есть бабушка?
– Не переводи разговор! Знаю я, кого ты тут поджидаешь.
– А если и поджидаю, тебе какое дело?
Я аж опешила и с ответом не сразу нашлась.
– Я твоя сестра! Старшая!
– И что?
– Я волнуюсь за тебя и... боюсь, чтобы не случилось чего. У меня больше никого, кроме тебя, нет!

Малинка упрямится, сжимает губы, но тут же сдаётся, вздыхает и бурчит.

– Никого я не жду. Если ты на Всеволода намекаешь, то...

– Где я намекаю? Я прямо говорю!

– ...то он уже заходил! – повысила голос Малинка. – И спрашивал, где можно найти тебя!

От обиды она даже носом хлюпнула.

Вот вам и новость.

– Зачем?

– Заходил зачем? Да вначале друг его зашёл, посмотрел на меня и ушёл, а после Всеволод явился.

– Который друг?

– Ой, не знаю я, похожи они, оба на одно лицо! Волосы чёрные, а глаза сверкают, как у бешеного. Посмотрел на меня с обидой, будто я украла у него чего, развернулся и ушёл.

– Ладно. А Всеволод меня спрашивал зачем?

– Откуда я знаю?

А у самой от любопытства глаза так и бегают.

– Зачем меня найти хотел?

– Откуда мне знать.

– И что ты сказала?

– Сказала, ты на кухне занята. Как освободишься, я передам, что он с тобой поговорить хотел. Так я сбегая? Скажу, ты ждёшь?

Малинка вскочила и бросилась к внутренней двери.

– Подожди! А хозяйка если узнает, что мы знакомы? Если увидит, что мы болтаем?

– Ты во двор иди, на улицу. Если что, скажешь, хотела посмотреть, не грязное ли окно снаружи, не надо ли лавку подправить и траву лишнюю выдрать, в общем, не пора ли перед магазином порядок навести, а тут приезжий проходил, да и стал расспрашивать, где что находится. Где глава живёт, где рынок, где лошадей посмотреть и всё такое...

Выпалив это, Малинка пропала, оставив меня в растерянности. Я и не подозревала никогда, как ладно сестричка умеет врать. Вот правда, ни разу не думала даже!

Но план хорош, чего уж приbedняться.

Я вышла на улицу и с умным видом уставилась на вырезанную из дерева вывеску магазина. Он тоже звался «У Глаши». Вывеску, кстати, хорошо бы почистить, а то буквы потемнели, издали не прочтёшь. А лавка под домом крепкая, травы нет. Окно помыть не мешает. И сделать, как я видела в столице – витрина называется. Это когда вместо простых занавесок за окном раскладывают товар, и люди с улицы видят, что в магазине продаётся, и сразу хотят зайти.

Хотя, может и не нужна тут никакая витрина. Что там класть – куски мыла да мотки пеньковой верёвки? Лопаты да корзины?

Дверь со скрипом отворилась. Смазать пора.

Надо же, как быстро Всеволод появился. И тоже оделся как местные – в льняную рубаху, подпоясанную простым поясом. Значит, один живёт. Была бы невеста или матушка, ходил бы

в вышитом. Хотя... они же по-другому одеваются, всё больше в кожу, может, наших поясов у них и нет, а этот навязал, чтобы на местных походить.

Будто поможет! Сразу видно – чужак.

Всеволод заглянул в магазин, кивнул, наверное, Малинке и закрыл дверь. Повернулся, смотря свысока.

– Здравствуй, Ожега.

– День добрый.

Я слегка склонила голову. Хоть он и выглядит иначе, чем когда мы через лес шли, там как... конь, замордованный тяжкой работой, а теперь выпущенный на волю, сытый и отдохнувший, а все одно – это тот самый Всеволод, который помог нам до Осин добраться.

– Сядем?

Он садится на лавку, я присаживаюсь рядом, складываю руки на коленках. В обед я переоделась – запачкала случайно рабочее платье, пришлось выходное надеть, потому что остальные как раз после стирки сохли. Оно жёлтое, в цветочек, а у Малинки похожее, только голубое. Мы одинаковые купили, только расцветка разная, когда в Вишнянки приехали, не удержались. Не ходить же в дедовых обносках? Глаша нам потом много своих старых отдала для работы, а эти праздничными остались. Она сказала, платья нам очень идут и сразу видно становится, что мы сёстры.

Я невольно поправила волосы. Рабочий фартук и косынку я сняла, когда с кухни уходила, но в зеркало так и не посмотрела. Хотя чего теперь-то переживать, поздно уже.

И всё равно – вон он какой ладный, после леса из дикаря превратился в одно загляденье, надеюсь, и мы с Малинкой уже не те курицы в мужских обносках.

– Я хотел извиниться.

– Что? – я чуть с лавки не навернулась. – За что?

– За то, что оставил вас без присмотра. Дед Ших просил убедиться, что вы хорошо устроились, а я делами был занят, решил, вы и сами можете.

– Мы и правда можем! У нас всё в порядке. Мы же тебе чужие совсем, с какой стати себе на шею такое ярмо вешать? Так деду Шиху и передай... если увидишь.

– Хорошо, – он кивнул и улыбнулся. – Я и не сомневался, что вы справитесь. Значит, мир?

– Конечно, – я даже удивилась. – Разве я с тобой воевала?

Как-то двусмысленно прозвучало. С ним-то нет...

– А что вы тут делаете, в Вишнянках? – быстро спросила я. Всеволод помолчал, а потом неожиданно смущённо улыбнулся.

– Дело у нас тут важное.

– И надолго вы?

– Как выйдем.

Он внимательно посмотрел на меня, подумал. Казалось, хочет что-то сказать, а никак не решается.

– Ясно, – протянула я.

Вот и не о чем вроде больше говорить. Да, было время, когда он нам помог, да, я его уважаю и благодарна за подмогу, но большего между нами нет.

– Ожега... А ты не хочешь в Осини вернуться?

Опять я в лавку вцепилась, перестав вертеться.

– Зачем?

Он сглотнул, вытер рот рукавом.

– Просто... там вроде неплохо.

– Тут тоже неплохо.

– Там я чаще бываю, присмотрю за вами, раз деду обещал. Я ему должен.

Да уж, присмотрит он! А Малинка тем временем совсем от любви свихнётся. Вот сегодня на родную сестру бросалась, потому что она вместо Всеволода к ней пришла. Любовь – чувство страшное, от него и разум некоторые теряют. Будет нас навещать, забыть о себе не даст, а Малинка раз за разом будет с ума сходить и на мне отыгрываться. А то и глупостей наделает, а разбираться тоже мне.

Нет уж, пусть дальше от нас держится!

Только как это всё ему скажешь?

– Всеволод, спасибо тебе. Но мы тут уже устроились. Да и чего за нами приглядывать? Глаша, хозяйка наша, за нами приглядывает, в обиду не даёт. Ты не думай, мы и сами за собой приглядывать умеем. Да и тебе зачем лишние заботы? Дел своих-то поди гора, раз ты по работе то в глухой лес, то в другой город. В общем, не бери в голову, ты ничего не должен, что деду обещал, сделал – в город дошёл, по пути не бросил. Дальше мы сами.

Он глубоко вздохнул, но вовсе не с облегчением, как я ждала, а чуть ли не с досадой.

Не понимаю ничего.

Носком туфли я стала поддевать камешки, толкая их на дорогу.

– Ладно, – он вдруг решительно поднялся, взял меня за плечи. – Я не настаиваю. И очень рад, что вы такие умницы – хорошую работу нашли, сами о себе заботитесь... Только хочу сказать тебе, Ожега, кое-что, а ты запомни. Прошу тебя, навсегда запомни, никогда не сомневайся в том, что ни я, ни мои друзья не причиним вам вреда. Ни один из нас. Ни словом, ни делом. Никогда.

Я почти испугалась. Почти. «Мои друзья» он так по-особому выделил, будто только о них и говорил.

– Пообещаешь мне, что запомнишь?

– Д-да.

– И... – он что-то прокрутил в голове, но больше ничего не сказал, вздохнул только, убрал руки и ушёл в дом.

Ничего не понимаю!

Я поболтала головой, словно мысли – картошка, которая от этого плотнее в мешок уляжется. Только и дальше казалось мне, что Всеволод чего-то не договорил. Что вся наша беседа прошла не так и не о том, о чём должна была.

Хотя... я часто себе всякую чушь выдумываю. О том, как и что чувствуют другие люди, особенно красивые парни. А на деле после выходит – кроме моей выдумки в них и нет ничего.

А, чего голову ломать, работать пора!

* * *

Всеволод вернулся в комнату, где его уже с нетерпением ждали.

– Ты уговорил их вернуться в Осины? – деланно спокойным голосом спросил Гордей, а у самого аж костяшки на сжатых кулаках побелели, так сильно он хотел казаться спокойным.

– Уговоришь их.

– Нет? – Ярый подался вперёд. – Всеволод, ты? Не смог?

– А что я мог сказать? – рассердился тот. – Она спрашивает – зачем? А я что? Как я могу объяснить, зачем им в Осины?

– Придумал бы чего!

– Чего? Чтобы замуж её удачно выдать? После такого или смеяться будет, или скорее подумает, ополоумели мы. Рассказать, что она рысь? О, это ещё быстрее заставит её подальше от нас бежать. Сам чего не пошёл уговаривать?

Ярый сложил губы трубочкой.

– Ну... вдруг бы она в меня влюбилась, ходила бы потом по пятам, слёзы лила.

Рык был коротким и глухим.

– Я шучу! – тут же исправился Ярый, поднимая руки.

– Дурень, – покачал головой Всеволод. – Чего ты его из себя выводешь? Игры ваши щенячьи – одно, а за душу он в тебя по-настоящему вцепиться может, а ты, хоть и альфа, Вожаку не ровня. Сожрёт друга, потом сам будет до конца жизни себя клясть. Этого хочешь?

– Опять ты сказки рассказываешь! – отмахнулся Ярый. – И чего ты так взъелся? Знает он, что я шутки шучу, не впервой. Знаешь ведь?

Не услышав ответа, Ярый обернулся и нахмурился. Гордей молчал, обхватив голову руками.

– Ну, мы и влипли, – на удивление растерянно проговорил Ярый.

– А ты только понял? – Всеволод нахмурился. – Думал, шутки всё? Видел я, как зверей корёжит, когда они свои души чувствуют, а получить не могут.

– Я в порядке, – глухо сказал Гордей.

– Да, – Всеволод кивнул, не отводя предупреждающего взгляда от Ярого. – Я знаю. Хочу, чтобы и он понял – теперь всё иначе. Раньше вы могли всю ночь напролёт вдвоём куролесить, пить и девок щупать, шутить про подруг своих хоть матерно... но теперь всё. Не будет больше этого, никогда. И если Гордей это понял и принял, ты, Ярый, всё шутишь. Всё делаешь вид, будто сейчас поиграем, а после будет по-прежнему. Никогда не будет. Теперь для него не мы главные, а она.

Всеволод сам удивился, с какой горечью прозвучали его слова. Он был рад за друга, очень. Только всё равно обида глубоко внутри глодала – за что? За что этой девчонке Вожак, с которым его и Ярого связывала дружба, проверенная годами? С которым они огонь и воду успели пройти. Дружбу которого они заслужили!

Ярый так и стоял столбом посреди комнаты, зло кривил губы, но молчал. Вряд ли он боялся спросить у Вожака, так ли обстоят дела, как Всеволод говорил, скорее, боялся услышать ответ.

Гордей отнял руки от лица, выпрямился и сказал:

– Хватит, не до того сейчас. Нужно как-то вывезти их с сестрой в Осины или лучше сразу к матери в Гнеш. Времени мало, но пока оно есть. Я подумаю, что делать.

Вожак встал, посмотрел на друзей – смурных, тёмных лицом... и широко, счастливо улыбнулся. Так, улыбаясь, и ушёл.

Когда дверь за Гордеем закрылась, Всеволод расслабился, закинул ноги на соседний стул, а пальцы сунул за пояс штанов.

– Ничего, Ярый, ты не один. Я вот жениться не собираюсь.

– И толку?

– Готов составить тебе компанию на следующий загул.

– С тобой? – Ярый недовольно зыркнул на него, обежал глазами. – Ну, девки ладно, для них стоишься, как-никак альфа. А пить-то ты толком не умеешь!

– Я? Да ты ещё под стол пешком ходил, когда я кабаки ночь напролёт прочесывал, а с утра вас, шалопаев, по плацу гонял!

– Когда это было-то? Сто вод с тех пор утекло. Теперь ты и до полуночи не досидишь, напьёшься и на лавке до утра храпеть будешь. На что спорим?

– Э... на желание?

– Я что, девка, на желание с тобой спорить? – презрительно плюнул Ярый.

– На что тогда?

– Кто первый заснёт – тот седмицу за обоих платит!

– По рукам! – Всеволод потянулся вперёд, и они сжали друг другу ладони. Каждый довольно улыбался, целиком и полностью уверенный в своих силах.

* * *

Вот что я больше всего не люблю, так это убирать комнаты после отъезда постояльцев. Ладно, если мебель поцарапали или подушку порвали, а бывает, ведут себя как настоящие свиньи! Мебель ломают, за светильниками не следят, чуть пожары не устраивают, а грязи после них, что в хлеву, только ходишь да удивляешься, как за несколько дней можно столько мусора натаскать.

Но в этот раз повезло. Жила в комнате семейная пара с младенцем, который молчал, словно он кукла, только глазами из свёртка у матери на руках хлопал. Семья оказалась такой аккуратной, что после них и убирать почти не пришлось, пол только протереть да белье забрать на стирку.

Да, еще колыбель на чердак отнести и корзины для детского белья, их выдают только при надобности, а просто так в комнатах не хранят.

В общем, повезло с одним, не повезло с другим. Вытащила я колыбель в коридор и поняла, что до чердака я с ней намучаюсь больше, чем с уборкой бы мучилась. Тяжелая она до безобразия.

– Привет.

Я невольно отпрыгнула.

– Чёрт!

Гордей удивлённо поднял брови, вопрошая, не его ли я обзываю.

– Ты меня напугал!

Он пожал плечами.

– Вроде не подкрадывался. Странно, что ты меня не слышишь.

Странно ему. Я невольно нахмурилась, задержала дыхание. Утром между нами прилавок был, а теперь ничего нет, вижу, как в вырезе его рубашки терялся грубый кожаный шнурок, на котором что-то висит.

Я быстро отвела глаза, хотя было жутко любопытно – какой у него талисман? Но подумает ещё, что я на него заглядываюсь. Нет, и не подумаю! Только глаза, подлюки, так и липнут! Не к груди, так к чистым ровным волосам, аккуратно собранным в хвост, к губам, на нижней у него забавная ямочка, к рукам и к расслабленным широким плечам. А на шее, у самой ключицы, у него билась жилка. Такой живой...

Я отвернулась, заставляя себя смотреть на колыбель и корзины.

– Просто от неожиданности испугалась, и всё.

Ещё не хватало, чтобы он думал, будто я его боюсь. Пусть идёт, куда шёл!

– Красивое у тебя платье. Тебе идёт. Словно поле одуванчиков.

Он что издевается? Чувствую, щёки краской наливаются, и от злости всё внутри дрожит.

– Ты куда-то шёл?

– Ага.

– Вот и иди!

Гордей пожимает плечами, небрежно так, но глаза снова липнут – мышцы у него так и гуляют, так и красуются. Как я ни старалась, взгляд всё равно упал вниз – почему они не носят тканых поясов? Глянула бы и сразу поняла, есть ли у него кто-то.

Тьфу ты, да какая мне разница!

Отвернувшись, я хватаю колыбель, в которой лежат корзины. Не хочет он уходить, сама уйду. Жаль только, быстро уйти не получится. Зачем только Глаша такую хорошую мебель заказала? Колыбель цельная, из дерева, да ещё ножки... всё равно что бычка годовалого тащить – чем-нибудь да ударит.

– Давай помогу.

– Я сама!

Он подходит и нажимает на края колыбели руками, конечно, против его силищи мне не устоять! Колыбель со стуком опускается на пол. Потом он отодвигает меня плечом и хватает её сам.

– Похоже, не умеешь ты ни помощь принимать, ни комплименты своей красоте.

Если бы я была чайником, в этот момент бы и закипела. Ох, сказала бы тогда, всё, что думаю! Но приходится молчать, сорвусь, накричу на постояльца, Глаша может и от места отказать.

А Гордей потом наклоняется, так, что его нос почти упирается мне в щёку и тихо-тихо говорит:

– Надо улыбнуться и ответить: «Спасибо».

Я чуть зубами не клацнула, а может и клацнула, звук вроде был. Он быстро отодвинулся и как ни в чём не бывало сказал:

– Веди.

В самом деле, не драться же с ним за колыбель? Хочет тащить – ну и пусть тащит! Я сжимала губы так, что все их покусала, но довела до чердака молча. Так же молча ткнула пальцем на лестницу. Сделала вид, будто не вижу вопроса в его глазах.

– Наверх поставь куда-нибудь.

Пока он тащил колыбель наверх, я сбежала. Ушла, вернее.

Правда, недалеко. Конечно, я не думала, что Гордей украдёт вещи с чердака или что-нибудь сломает, или даже будет лазить, где не просят, нет, просто, если Глаша случайно узнает, что я вот так взяла и оставила гостя бродить, где ему не следует, тогда ждёт меня выволочка. А я этого жуть как не люблю, потому что приходится молчать и вздыхать, и жизнь после таких заслуженных выговоров кажется совсем тоскливой.

Да, и только поэтому я вернулась!

Гордей уже поставил колыбель в угол к ещё двум таким же, так, чтобы проходу не мешала, и оттряхивал руки. Надо же, как будто она пыльная была. Я, между прочим, её тщательно протирала!

– И часто ты такие тяжести таскаешь? Неужели тут нет никого для тяжёлой работы? – спрашивает Гордей.

Я внимательно вслушиваюсь и прокручиваю его тон в голове. Вроде ни насмешки, ни укора, ни нравучений нет. А то бы я ему!

– Нет, не часто.

– Если что, кого-нибудь из нас зови, сама не таскай.

Ага, разбежалась!

– Конечно!

Он с подозрением хмурится и почти сразу спрашивает:

– Пойдём?

Куда это? Что это он задумал?

Однако Гордей просто указывает на лестницу, ведущую с чердака на этаж и одновременно уступает мне дорогу. Лучше бы он первый шёл, неохота за спиной оставлять, но не ругаться же по любому поводу?

На лестнице приходится приподнять юбку, и я тут же оглядываюсь – не смотрит ли он? А он только улыбается.

– Ты так себя ведёшь, будто меня боишься.

– Ага, как же! Чего мне тебя бояться.

– Вот и я думаю, с чего?

Я фыркаю.

– Да не боюсь я тебя, ну ты выдумал! Думаешь, ты страшный?

– Я – нет?

– Неа.

– А кто страшный?

– Ну... – я оцениваююще смотрю на него. Вообще, если представить, что он идёт на меня с желанием покалечить или убить, но верно страшно станет до жути... только я отчего-то никак не могу представить, что он хочет причинить мне зло.

– Всеволод страшный? – допытывается Гордей со странным блеском в глазах.

– Кто? Нет, он вообще нет.

– А... Ярый?

– Не-а.

Он снова улыбается. Его улыбка широкая и какая-то... ласковая, что ли. Прямо в жар бросает.

Это что ещё за новости? Показалось или он ближе подошёл?

– Ну, мне пора! – быстро говорю я, отстраняясь и отводя взгляд.

– Куда?

– Что куда? – я даже на миг опешила.

– Куда тебе пора? Уже вечер. Или ты круглые сутки работаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.